

Елена Доброва

ВСЁ БЫВАЕТ...

Елена Доброва
Все бывает... (сборник)

«Пробел-2000»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Доброва Е. А.

Все бывает... (сборник) / Е. А. Доброва — «Пробел-2000», 2016

ISBN 978-5-98604-562-7

Истории, собранные в этой книге, могут показаться придуманными. Однако, часть из них основана на достоверных событиях, которые произошли с обычными людьми – нашими современниками. И это в который раз уже доказывает, что фантазия иногда не может тягаться с изощренной невероятностью реальной жизни.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98604-562-7

© Доброва Е. А., 2016
© Пробел-2000, 2016

Содержание

Все бывает	6
Журналистское дело	6
Тетя Туся	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Александровна Доброва

Все бывает...

© Доброва Е.А., текст, 2016
© Димитрюк Г., рисунок, 2016
© Суслина А. Л., оформление

Все бывает

Журналистское дело

Мы познакомились в небольшом подмосковном пансионате. Первоначально он был предназначен для актеров и музыкантов, но поскольку основной контингент все чаще предпочитал для отдыха другие широты и долготы, то пансионат, чтобы не прогореть, стал принимать разношерстную публику. Таким образом, в тоскливую позднеоктябрьскую пору здесь сошлись несколько хороших игроков в преферанс, они же – интересные люди, они же – остроумные собеседники, прекрасные рассказчики и при этом настоящие профессионалы каждый в своей области, то есть – мы. Нас было шестеро: Виктор Маркушев, врач-психиатр; Антон Беликов, журналист; Лев Генкин, переводчик; Владимир Гурман, биохимик; Бронислав Чен, врач-анестезиолог, и наконец... чуть не забыл, кто же шестой – это я сам, Матвей Шаковский, преподаватель права в одном из московских вузов.

Конец октября не лучший сезон в Подмосковье, поэтому из трех корпусов был заселен только один, да и то наполовину. В основном это были пожилые дамы, которым необходим был некоторый отдых после отдыха с внуками где-то в Испании или после утомительных автобусных туров по Европе. Поэтому в пансионатской столовой во время завтраков, обедов, ужинов и, конечно же, полдников с непременно теплой сдобной булочкой, благоухающей ванильной пудрой, звучал легкий гул хорошо поставленных низковато-хрипловатых голосов бывших актрис, которые чуть громче, чем надо, обсуждали своих главных режиссеров, свои роли, а также нынешние спектакли, нынешних ведущих актеров, и с апломбом бессильной правоты предрекали закат театральной империи. Остальная публика ловила отголоски этих разговоров, чтобы потом, вернувшись в свои города, щегольнуть приобщенностью к театральной столичной жизни.

Наша группа выделялась на этом фоне. Мы каждый вечер собирались у кого-то из нас в номере и засиживались допоздна за бутылкой хорошего коньяка. После картежных азартов мы переходили на обычные мужские темы – спорт, машины, деньги, рассказывали случаи из своей практики. Политики мы особенно не касались, так как были еще недостаточно знакомы, хотя впоследствии выяснилось, что наши взгляды во многом совпадают. О женщинах тоже речи не было – жен своих мы не обсуждали, а что до других женщин, то вокруг нас не было ни одного объекта, достойного хотя бы теоретического внимания. Однажды к нам подошла администраторша и, смущаясь, сообщила, что на нас жалуются отдыхающие – мол, мы очень громко беседуем по ночам. Она предложила нам ходить вечером в «Уголек», кафе-бар при

пансионате, которое не закрывалось до тех пор, пока не уходил последний посетитель. Кафе находилось в отдельном здании, так что ни разговоры, ни музыка, ни что другое не могло нарушить законный покой отдыхающих. Мы вняли совету администраторши и вскоре стали завсегдатаями «Уголька», в котором, как оказалось, довольно вкусно готовили. Там, кстати, была симпатичная барменша, она же являлась хозяйкой этого заведения. Короче, «Уголек» стал смыслом нашего пребывания в этом пансионате. За неделю мы сдружились настолько, что уверенно пообещали друг другу снова встретиться здесь в это же время на следующий год.

Удивительно, но год спустя мы все в самом деле собрались в этом пансионате в последнюю неделю октября, и с тех пор вот уже несколько лет мы не нарушаем эту традицию нашего благопристойного мальчишника.

Однажды вечером мы, как всегда, сидели в «Уголке» и ждали, когда нам принесут говядину с грибами, шашлык из осетрины и прочие гастрономические излишества, которые угольковские повара Армен и Арсен готовили совершенно виртуозно. Несмотря на поздний час в кафе было довольнолюдно. Недалеко от нас две немолодые пары, похоже, отмечали какое-то приятное событие.

– Мой многолетний опыт мне подсказывает, что Антон хочет, я бы даже сказал, рвется, честно и без утайки о чем-то нам поведать.

– По-моему, Виктор прав!

– Мне тоже так кажется.

– Давай, Антон, облегчи душу!

– Откройся, сын наш. Мы тебя пойдем!

– Ладно. Уговорили! А как вы догадались?

– Психиатра не обманешь!

– У тебя на лбу все написано!

– По твоему горящему взору.

– Ну-ка, ну-ка, о чем мы должны были догадаться?

– Для начала я скажу, что сегодня я угощаю.

– Мужики, он разбогател! Ты что, загубил старуху-процентщицу?

– Получил наследство от тетушки из Зимбабве?

– Решил подмести в квартире и нашел клад?

– Ну давайте, давайте, угадывайте, аналитики.

– Ребята, я знаю. Ему выплатили гонорар за статью. Сто рублей вместо пятидесяти.

– Так, кто это сказал? Кто у нас такой дерзкий? Ты, Левка?

– Я не дерзкий, я дерзновенный.

– Так ты-таки почти угадал! Слушайте, я когда-то напечатал рассказ в одном журнале. А потом послал его на конкурс. И вот вчера мне сообщили, что этот рассказик получил второе место, а это означает денежный эквивалент в 60 тысяч...

– Золотых монет?

– Не то чтобы золотых... Но тоже хорошо.

– Тоха, поздравляем!

– Ты молодец!

– Это я тебе скажу... Да!

– За тебя, Тоха! У всех налито? За успех!

– Антон, а что за рассказ? Он у тебя с собой?

– Вообще-то, да.

– Ну, прочти, прочти. Интересно послушать.

– Да ладно вам.

– Действительно интересно. Он длинный?

– Да нет, такой средний.

- Ну, давай, публика ждет.
- Дайте ему поесть спокойно.
- На ночь есть вредно, особенно писателям.
- Ладно, слушайте. Только не засните мне тут.

* * *

Марина начала по-настоящему беспокоиться, когда выяснила, что Таня тоже не получила никакой телеграммы. Они решили подождать еще день, но он не принес ничего нового. Тогда, встревоженные не на шутку, обе женщины отправились в милицию. Пожилой дежурный выслушал их сбивчивые речи и велел каждой написать отдельное заявление. Он был не очень любезен, а прочитав их бумаги, и вовсе потерял терпение.

– Что вы тут пишете? «Не прислали, не позвонили». Куда они уехали? В какой город? На какую базу? Где я должен их искать? Прежде чем мужей отправлять, надо интересоваться, куда едут, как связаться в случае чего. А то Карелия... Как их искать-то? Куда запрос посылать? Карелия не деревня.

Он долго бушевал в таком духе. Женщины сидели притихшие, ошеломленные своим непростительным, необъяснимым легкомыслием, – ведь они действительно не представляли, куда именно направились их мужья. Казалось, что они все же не до конца осознавали, что с их мужьями могло произойти несчастье, и умоляюще повторяли «ну может, как-нибудь, что-то можно сделать, ну как-то выяснить... пожалуйста...»

Михаил Кротов и его младший брат Григорий были заядлые байдарочники, когда-то в молодости прошли по всем труднодоступным рекам Сибири и Карелии. Со временем страсть к экстриму утихла, но раз в году они на две недели бросали цивилизацию ради сугубых мужских радостей – палаток, байдарок и всего с этим связанного. Возвращались они обычно загорелые, похуевшие, заросшие, довольные, упоенно рассказывали о своем путешествии, всегда полном приключений и преодоленных опасностей. Весь год они жили спокойно, но в глубине этого спокойствия зрело ожидание следующего похода. В конце апреля 1989 года братья как всегда отправились в Карелию, взяв с собой сибирскую лайку-полуторагодовалого Грея.

Лейтенант районного ОВД выполнил свой долг – его запрос, пройдя все необходимые инстанции, был отправлен в Министерство внутренних дел Карелии. К поиску были привлечены все друзья и знакомые Кротовых, кто хоть как-то мог помочь. Полетели запросы в Минздрав России, Минздрав Карелии, в Федерацию байдарочного спорта, местную службу спасателей и т. д. Возникали цепочки связей – друзья звонили знакомым врачам, врачи – спортсменам, спортсмены – местным властям, власти – местным врачам и так далее. Результатов не было. Удалось лишь установить, что братья Кротовы не регистрировались в местной секции байдарочников, их маршрут не был ни с кем согласован и официально утвержден, и, таким образом, никаких сведений о них и координат их возможного нахождения не имеется. Тем не менее, был сформирован отряд спасателей, который прошел по большинству маршрутов, обследовал берега рек и озер. Спасатели совместно с сотрудниками УВД опросили многих байдарочников и туристов, встреченных на маршрутах, а также местных жителей. Это также не дало никаких положительных результатов. О пропавших людях и собаке было написано в прессе и объявлено по телевидению и радио. Ничего. Не было найдено никаких следов или свидетельств их путешествия. В конце октября пришел последний формальный отклик из Минздрава Карелии, в котором, как и в остальных, сообщалось, что «к сожалению, мы никакими сведениями о запрашиваемых лицах не располагаем».

Марина и Таня, потрясенные свалившимся на них горем, продолжали в него не верить. Больше всего их мучила неизвестность, которая одновременно помогала надеяться на чудо и

заставляла содрогаться от мысли, что «вдруг они там где-то из последних сил ждут, а мы тут ничего не делаем...»

Но жизнь заставляла их смириться, поиски прекратились, у всех были свои дела и заботы, и это было понятно.

Двадцать третьего декабря 1989 года молодая женщина Анна Кяйвяряйнен приехала из Петрозаводска в небольшой городок к своей бабушке, с которой она собралась провести Рождество. Бабушка Анны, тоже Анна, была довольно преклонных лет, но не потеряла своей энергичной подвижности и жизненной активности, будучи главным врачом местной больницы, в которой она проработала больше пятидесяти лет, начав с молоденькой санитарки. Всегда в белоснежном халате, с короткой стрижкой, сероглазая и малоулыбчивая, она умудрялась знать все о состоянии каждого пациента, а также своего немногочисленного персонала. Встретившись с внучкой, бабушка в ответ на вопрос «как ты?» стала рассказывать о больнице.

– А тот больной, который все время был в коме – помнишь, я тебе рассказывала? – недавно пришел в себя.

– Неужели?!

– Да, и представь себе, он даже произносит слова. Он что-то пытается вспомнить.

– Интересно! А как он попал к тебе в госпиталь, напомним?

– Его привезли какие-то приезжие, туристы. Он был без сознания.

– Может быть, это как раз они его и избивали?

– Ну, что ты говоришь! Тогда они бы его не стали тащить к врачам, а бросили бы его в реку или где-то в лесу. И потом, у него не было следов побоев и какого-то насилия. Он был травмирован так, как будто его тащило по порогам. Нет, те люди были явно с ним незнакомы. Они его просто нашли.

– А они оставили свои координаты?

– Конечно, оставили. И мне, и следователю. Сюда ведь приезжал следователь из прокуратуры, он все у них выспросил, записал... так что не волнуйся.

– А ты сообщишь следователю, что он очнулся?

– А зачем?

– Ну, как... мало ли что...

– Не думаю. Да и не поедет следователь специально сюда.

– Хочешь, я с ним свяжусь после Рождества?

– Нет. Не нужно. Ему тут пока делать нечего. Пациент не годен для дачи показаний.

– А что он говорит?

– Он зовет женщину по имени Таня. Иногда он еще что-то произносит, но я не понимаю. Кажется, он сказал, что его зовут Григорий.

– Вот как? Постой, бабуля, это может оказаться очень-очень интересно. Дело в том...

А дело было в том, что молодая женщина была именно той самой служащей Министерства здравоохранения Карелии, которая несколько раз отправляла Марине и Татьяне ответы на их запросы. И теперь она вдруг вспомнила об этом. Они решили еще раз все проверить и снова написать в Москву.

Таким образом, месяц спустя, как раз на Татьянин день, Таня получила заказное письмо из Карелии. Вскоре Григорий Кротов, после почти годового отсутствия, оказался дома.

Это было настоящим чудом. Все радовались, поздравляли, выражали надежду, что теперь и Миша найдется. Но не все было так замечательно. Очевидно, Григорий перенес сильнейшую контузию. У него была нарушена координация движений, он не мог самостоятельно передвигаться и почти ничего не говорил, кроме слов «Таня», «Григорий», «ветка» или «ветер» и еще почему-то «рука», а может, «река». Иногда, правда, он словно силился что-то сказать, но у него ничего не получалось, кроме невнятных надрывных горловых звуков. Когда Таня или Марина осторожно спрашивали его, где Миша, где Грей, помнит ли он, что с ними случилось, «Гри-

шенька, попробуй, постарайся», он становился угрюмым, раздраженным, начинал задыхаться и обессиленно впадал в нездоровый тревожный сон.

* * *

Антон прервал чтение и перелистнул несколько страниц.

– Я кое-что пропущу, а то это действительно будет долго. Здесь говорится о том, что Григорий медленно шел на поправку, начал чуть-чуть передвигаться по квартире и даже выходить на балкон подышать. Память к нему пока не вернулась, но речь, хоть и слабо, восстанавливалась. Марина время от времени их навещала, но она не задерживалась больше, чем на полчаса. Ей было тяжело видеть Григория в таком состоянии, но еще тяжелее было понимать, что ее муж, скорее всего, погиб, и она не может даже выяснить, как и где это произошло.

* * *

В один из июльских дней Таня готовила на кухне обед, а Григорий сидел в кресле и дремал перед телевизором. Вдруг на улице прямо под их балконом раздался громкий собачий лай. Так лаял обычно Грей, загнав кошку на дерево. Таня, забыв о котлетах, рванулась в комнату. То, что она увидела, заставило ее вскрикнуть от ужаса. Ее муж лежал на полу, споткнувшись о порог балкона. Очевидно, Григорию тоже показалось, что это Грей. Его тело сотрясала крупная дрожь. Он был бледен, и на лбу его выступили капли пота. Таня попыталась его поднять, но ей не удалось. Она боялась, что это мог быть инфаркт или инсульт, и, подложив под его голову подушку, решила оставить его лежать на ковре до приезда «скорой». Врачи прибыли довольно быстро. Кардиограмма показала обширный инфаркт, и, судя по некоторым признакам, они диагностировали также кровоизлияние в мозг в результате разрыва аневризмы. Врачи собрались забирать его в реанимацию, хотя их прогноз был однозначно неблагоприятный. Таня написала расписку об отказе от госпитализации, решив, что будет рядом с Гришей до его последней минуты. Три дня он находился в полубеспамятстве, не мигая смотрел в потолок, глаза его слезились – или он плакал? – губы шевелились, словно он что-то бормотал, организм его отвергал любую пищу, даже воду. Он тяжело и хрипло дышал. Таня находилась при нем неотлучно. На четвертое утро ей показалось, что он задремал. Она положила руку на его ладонь и почувствовала слабое ответноежатие.

Она хотела уже обрадоваться и прошептать ему ласковые обнадеживающие слова, но в этот момент он попытался оторвать голову от подушки, его горло судорожно напряглось, он хрипло простонал что-то, похожее на «Г-г-гре-ей» – и умер.

* * *

Антон пропустил еще несколько страниц. Многие посетители прислушивались к его чтению, а некоторые даже придвинули стулья поближе.

* * *

Год за годом – как-то незаметно пролетели шесть лет. Боль притупилась, но не ушла, а затаилась где-то на дне. Таня и Марина очень сдружились, многие думали, что они сестры. Они виделись чуть ли не ежедневно, а уж перезванивались по сто раз в день. Главным образом, это объяснялось тем, что только друг с другом они могли себе позволить вволю поговорить о прошлой жизни, повспоминать своих мужей, в миллионный раз *понедоумевать*, что

же тогда случилось, а то и поплакать горько навзрыд, обнаружив старую фотографию, записку или какую-то другую памятную мелочь. Они перестали общаться со всеми прежними знакомыми, без которых раньше не обходилось ни одно общее застолье. Нет, они не ссорились, и никаких обид между ними не возникало. Но Марине и Тане было очень тяжело приходиться в дома, где они когда-то бывали с мужьями. «Кто будет? – Ну, как обычно – Андрей с Милой, Ванька с Галей, Миша с Мариной, Гриша с Таней, Димка будет с какой-то новой девушкой. Марковы придут попозже, у Вовки дела срочные». Теперь это звучало бы «Андрей с Милой, Ванька с Галей, Таня с Мариной...» Кроме того, разговор неминуемо зашел бы о походах, байдарках, новых маршрутах и прочем, что для всех было актуально, а для Марины и Тани – невыносимо. Требовать же от друзей не касаться некоторых тем было бы эгоистично, да и практически невыполнимо.

Олег, сын Марины, которого она родила совсем молодой девчонкой, чуть ли не сразу после школы, старался поддержать их, привозил им с Таней билеты на концерты, на модные спектакли, выставки и следил, чтобы «девушки» не ленились на них ходить. Ему было двадцать семь, он был энергичен, успешен, уверен в себе, и он любил мать.

– Мам, не кисни. Тебе всего сорок четыре. Ты еще замуж можешь выйти.

– Какое замуж, что ты болтаешь!

– Я серьезно. Мам, посмотри в зеркало. Ты интересная женщина, у тебя классная фигура, мужчины таких любят, поверь мне. Хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю?

– Я же не воспитательница детского сада!

– Причем тут? Максиму, например, тридцать семь. Разница всего ничего!

– Предложи его Тане.

– Тань, хочешь Максима? Ему тридцать семь.

– Меня малолетки не интересуют.

– Ну вот, и эта туда же. А кто-нибудь вас интересуется?

– Слушай, сыночек, что ты пристал к нам?

– Я просто не хочу, чтобы вы на себе ставили крест. Я очень хорошо относился к Кротову, к обоим Кротовым, но прошло уже столько времени. Вам надо жить, а вы как две бабки.

– Давай, дедка, иди, суп стынет.

– Не остынет. Бородинский есть? Так вот, я не забыл, на чем я остановился. Тань, ты вот посмотри на себя. Да если б не Ирка, я бы сам за тобой приударил. А, тетушка?

– Смотри, как бы я тебя сейчас не приударила, племянничек!

У Тани не было собственных детей. С дочерью Гриши от первого брака она виделась последний раз на похоронах. Она обожала Олега, относилась к нему, как к родному племяннику и была в курсе всех его личных дел.

Шутки шутками, но возможно, именно благодаря Олегу, Таня и Марина старались следить за модой, вовремя закрашивали седину, ходили дважды в неделю в бассейн и, что называется, держали форму.

Таня работала в Библиотеке технической литературы, ведала каталогом новых поступлений. Это не требовало каждодневного присутствия, поэтому она часто работала дома за компьютером и могла распоряжаться временем по своему усмотрению.

Марина ушла из издательства, где она работала редактором, и устроилась корректором в небольшой журнал, что также позволяло ей работать дома.

Однажды летним днем Таня пришла к Марине.

– Какие у тебя планы на ближайшие две недели?

– Никаких особенных планов нет.

– Есть! Мы едем в Смоленск.

– В Смоленск?!

– Да. Точнее, под Смоленск. Пришло письмо от тети Наташи, она нас ждет, соскучилась, а то, говорит, умру – даже не увидимся. У нее свой дом, огромный участок, сосны, белки. Куча солений, грибы, огурчики. Там такие леса! Марин, поехали?

– Слушай, Тань, а давай, правда, съездим! Мы с тобой сто лет никуда не выбирались...

* * *

Дальше шло описание их приезда, встречи с Натальей Михеевной, Таниной родственницей со стороны отца. Марина и Таня привезли с собой подарки – пуховик с капюшоном «главное, невесомый!», утепленные непромокаемые сапоги, клетчатый плед, и всякие полезные мелочи. Особую радость вызвали любимые тетя-Наташины московские конфеты – «Мишки на севере», «Коровки», «Лимонные дольки» и ванильная пастила.

* * *

Таня и Марина довольно быстро привыкли к новому месту, хотя первые дни им не хватало звуков, ставших нормальным жизненным фоном – истошных воплей внезапно сработавших автомобильных сигнализаций, телефонных звонков, постоянно включенного телевизора и прочего городского шума. Вместо этого они получили тишину, полную шелестов, скрипов, шуршанья, птичьих голосов; незлобную вечернюю переключку дворовых псов; доносимый ночным ветром перестук далеких поездов и предрасветную петушиную побудку, врывающуюся в сладкий, как в детстве, глубокий утренний сон.

Дом был старый, бревенчатый, но крепкий и надежный. Для Тани и Марины были приготовлены две комнатки на втором этаже, там раньше жили тетя-Наташины дочери, а потом внучки. А теперь они все разъехались кто куда. В доме пахло чистотой и солнечным светом. Верхние комнаты были отделаны сосной, и Марине особенно нравилось засыпать на левом боку, лицом к стене, вдыхая легкий аромат смолы.

Три дня засиживались три женщины допоздна на застекленной веранде за накрытым столом и не могли наговориться. Наконец все темы были полностью исчерпаны, все вопросы заданы, все новости обсуждены, обо всех знакомых и родственниках рассказано.

Тетя Наташа разлила по маленьким рюмкам остатки вишневой наливки *«у меня еще есть, не волнитесь!»*.

– Ну, что, девоньки, давайте-ка выпьем за вас, вы еще молодые, прав твой Олежка. Счастье у вас было, горе было. Но жизнь не кончается. Все еще может повернуться, поверьте мне, у меня тоже чего только не было в жизни, все не просто давалось. Ну, давайте. За вас!

– Теть Наташ, за тебя!

– Да, тетя Наташ, за нас троих!

– До чего ж хороша твоя наливка!

– Да у меня много еще, я же говорю. И рябиновка есть, и сливовая, и на бруснике настоячка, она покрепче.

– А мне больше всего вишневая нравится.

– Ладно, будет тебе и вишневая. Все будет! А теперь давайте поспим хоть немножко. А то уже рассветет через полчаса!

В один из дней Таня и Марина встали чуть свет, аккуратно, стараясь не сильно скрипеть ступенями, спустились вниз. Тетя Наташа еще спала, но на веранде их ждали приготовленные ею с вечера две корзинки с ножиками и два берестяных туюсочка для ягод.

Все это время стояла благодатная для всего живого неизнуряющая июльская жара с бархатистым ветром, пахнущим всеми травами сразу, с парной водой в реке, которая вечером

казалась даже теплее, чем днем, с мягкими синими ночами – настоящий разгар лета. Новое утро обещало еще один такой же прекрасный день.

Из будки около калитки высунулась заспанная собачья морда.

– Спи, Буля, спи. Рано еще.

Женщины вышли на окраину поселка. Лес начинался сразу за лугом, и они решили не огибать его, а пойти напрямик через луг.

– Тань, какая же здесь красота, ты только посмотри! Я простить себе не могу, что столько лет мы сидели в городе и не видели всего этого.

– Да, мы молодцы, что сорвались и приехали!

– Хорошо, что тетя-Наташа нас позвала.

– Да мы и без зова могли всегда приехать, просто как-то не приходило в голову.

– Сейчас сколько? Начало седьмого? Ты представляешь, в Москве мы бы сейчас бездарно спали. Просто кошунство спать в такое утро!

– Марин, слушай, я боюсь, что тетя-Наташа права, в такую погоду какие грибы? Дождей-то не было.

– Ну уж какую-нибудь лисичку-то мы найдем. Или сыроежку. Ягод собираем. А на обратном пути нарвем ромашек, колокольчиков, всяких простых цветочков. Я их больше всего люблю.

– Клевер тоже очень красивый. И мне еще очень нравится такая дикая гвоздичка.

– Соберем пару букетов, они долго стоят...

* * *

Антон перевернул страницу, решив прервать этот женский бессодержательный диалог.

– Так, вот они уже в лесу. Ходят, ищут грибы. Грибов, конечно, очень мало. Они набрали черники, дикой малины. Решили разделиться, но не отходить далеко, а постоянно аукаться. Так, это можно спокойно пропустить. Это тоже. Не надоело вам еще слушать?

– Давай, читай, не отвлекайся. – Похоже, уже все посетители «Уголька» слушали эту историю и хотели знать, что будет дальше.

* * *

Марина подобрала несколько зеленых шишек и положила их в корзинку. У нее дома была целая коллекция разнообразных шишек – Миша знал, что она их любит, и отовсюду привозил ей шишки...

Вдруг Марине послышался то ли возглас, то ли вскрик.

– Таня, Таня, ау! – Она с беспокойством несколько раз позвала Таню, приставив ладонь ко рту. Не дождавшись ответа, Марина кинулась в ту сторону, где должна была быть Таня. Выскочив на небольшую полянку, Марина замерла. Таня в неловкой позе полулежала на траве, а прямо над ней стоял... волк и обнюхивал ее. Долгие три или четыре секунды Марина пыталась прийти в себя и одновременно решить, что же делать в такой ситуации. Но тут она услышала «Друг, ко мне!», и на поляне появился мужчина в шортах цвета хаки и камуфляжной футболке. Увидев Таню, мужчина подбежал к ней.

– Что с вами? Вы в порядке? Друг, сидеть! – Друг беспрекословно послушался.

– Да, вроде все нормально. Я споткнулась обо что-то и упала. А в это время ко мне подбежал ваш Друг. Я подумала, что это волк. И боялась пошевелиться. Но он совершенно не виноват.

– Понятно. Вы можете встать? Давайте руку.

Пытаясь встать, Таня ощутила резкую боль в ноге.

- Кажется, я вывихнула ногу. Или растянула. Вот здесь, в щиколотке.
- Похоже на вывих. Разрешите, я взгляну. Вот так больно?
- Ой, да, очень больно.
- Но это не перелом, к счастью. Если позволите, я попробую вам помочь. Только потерпите, ладно?
- Да, конечно, потерплю. Спасибо вам большое.
- Пока не за что. А как же вас угораздило одной пойти в лес?
- Я не одна. Я с подругой.
- А куда она подевалась?
- Никуда не подевалась. Она же... вот она стоит...
- Только сейчас мужчина увидел слева от себя Марину, стоявшую буквально рядом. Он рассмеялся.
- Первый раз в жизни не заметил, как кто-то подошел.
- Значит, я в совершенстве овладела искусством мимикрии, – улыбнулась Марина. – Ну что там, с ногой? Как это вообще получилось?
- Не знаю. Не так ступила и свалилась. А тут волк-зубами щелк.
- Да я уж видела. Такой волк замечательный. Лайка? – Марина погладила Друга по голове, по спине, потрепала уши. Мужчина с изумлением посмотрел на нее.
- У вас собака?
- Была.
- Понятно... Хм... Вообще-то, никто не может так запросто даже подойти к Другу. А уж гладить...
- Неужели? Значит, он почувствовал мою искреннюю симпатию.
- Хм... Возможно, что так. Ну, как теперь? Не легче? – обратился мужчина к Тане.
- Вы знаете, значительно легче. Я попробую встать.
- Давайте помогу.
- Таня, прихрамывая, сделала несколько шагов.
- Я вполне смогу идти. Спасибо огромное.
- А вам далеко идти?
- Через луг.
- Понятно. Вообще далековато. Знаете что? Я предлагаю вам зайти ко мне, мой дом тут недалеко, я напою вас чаем. Кстати говоря, с Другом вы уже познакомились, а меня зовут Владимир.
- Таня.
- Марина.
- Ну вот, дорогие Таня и Марина, прошу принять мое скромное приглашение на чашку чая и, по-моему, на какое-то печенье.
- Таня с Мариной переглянулись. «А что? Почему нет? Даже забавно».
- Ладно. Спасибо. Мы принимаем ваше приглашение.
- Я очень рад. А потом мы с Другом проводим вас.

* * *

- Ну, слава богу, где ж вы были-то? Я уж извелась вся. Ушли с утра, пропали, я не знаю, где искать, куда бежать, я уж чего только не передумала.
- Теть-Наташенька, миленькая, прости, пожалуйста! Мы в полном порядке, все замечательно!
- Мы сейчас все тебе расскажем!
- У нас было такое приключение!

- А ты почему хромаешь? Что стряслось?
- Теть-Наташ, ничего страшного, просто нога подвернулась. Ну, правда!
- Ладно, пошли ужинать, я уже десять раз все грела.
- Вообще-то мы не очень голодные...
- Не выдумывай! Я их тут жду... они не голодные! Я, между прочим, без вас не садилась...
- Теть-Наташ, ну прости нас, мы не думали, что так получится! Давай, ты будешь есть, а мы тебе все подробно расскажем!

Тете Наташе не пришлось долго гадать, что это за Владимир такой, потому что назавтра он явился сам, узнать, как Танина нога. Он не успел допить компот, который она ему налила в большую кружку, как о нем уже все было известно. Сам он москвич, геолог, но уже не ездит в экспедиции по здоровью, дом ему достался от матери, которая умерла полтора года назад. «Погоди, да ты ж не Лизин ли сын? А я-то смотрю, лицо вроде знакомое. А мы с матерью твоей, ну не сказать, что дружили, но хорошо так общались, она все говорила – мой Вовка, мой Вовка. Ты маленький был тогда. И отца твоего я знала. С домом-то что думаешь делать? Не продавай. А то сейчас продают за гроши, а ты вот захотел – приехал, и живи. Дом-то крепкий, его немного подправить – сто лет простоит. Дети-то есть?» Выяснилось, что Владимир в разводе уже десять лет, дочь живет с матерью и ее вторым мужем, они видятся время от времени, отношения вполне нормальные, но у них есть дача, и сюда под Смоленск они вряд ли будут ездить.

* * *

Владимир стал довольно часто бывать в теть-Наташином доме. Похоже, что причиной этому была Марина. Он живо и увлеченно рассказывал о своих геологических экспедициях, слушать его было одно удовольствие, но когда ему удавалось заинтересовать или рассмешить Марину, он заметно воодушевлялся, начинал шутить, каламбурить и готов был на все ради ее одобрительного внимания. Таня подтрунивала над подружкой «я старалась, ногу подворачивала, а Маринка ничего не делала, и вот вам, пожалуйста!» Марина подхватывала «правильно, зачем ему хромая?» «Глупые вы, девки. Да он же ко мне ходит, неужели не поняли? Ему мой компот нравится», включалась тетя Наташа. И все трое начинали хохотать и вспоминать, как он сидел, да как смотрел, да как сказал.

- Бедный Володя, ох ему сейчас икается, наверное!
 - Да, и он не может понять, почему.
 - Как же, не может! Ему теперь все время икается, он уж привык!
- Двадцать третьего июля у Владимира был день рождения, и тетя Наташа предложила отпраздновать это событие у нее. Владимир был очень благодарен тете Наташе за внимание.
- Я обещаю вам вкуснейший телячий шашлык!
 - Какой шашлык, Володенька! Ты что, думаешь, у меня не найдется, что на стол поставить?
 - Ну, тетя Наташ! Я бы должен был на свой день рождения вас всех к себе пригласить, а вы хотите, чтобы я еще и с пустыми руками к вам пришел?
 - Ну, ладно, ладно. Уговорил, именинник.
 - Не пожалеете, тетя-Наташ! У вас место для мангала найдется?
 - Найдется!
 - Отлично! А можно я приду с другом?
 - Конечно, что ты спрашиваешь. Как же без Друга! Наш Булька смирный, так что приводи, не бойся.

* * *

– Теть-Наташ, а куда Таня делась?

– Да она пошла цветов нарвать, и Булька с ней увязался.

– Я боюсь, он сейчас придет, а ее нет. Как-то нехорошо.

– Да ладно тебе, трепыхаться. Сейчас явится. Да вот же и они!

В приоткрытую калитку вбежали две вполне дружелюбно настроенные собаки, а за ними показалась Таня, весело разговаривавшая с Владимиром и каким-то незнакомым мужчиной.

– Теть-Наташ, Мариша, смотрите, кого я вам привела!

– Вот Наталья Михеевна, познакомьтесь. Этого друга зовут Друг, а вот этого друга – Евгений Юрьевич или просто Женя.

– Ах ты, хитрец! Я, говорит, с другом, приду. А я ему – давай, конечно, у нас Буля смирный. Проходи, Жень, не стесняйся, мы гостям рады. А ты еще и Володин друг!

– Да, Наталья Михеевна, это мой самый близкий друг, самый лучший. Чего только мы вместе не прошли, да, Жень?

– Да, было много всякого...

– Ну, Женечка, дорогой... Ничего, что я тебя так сразу на ты?

– Конечно! Наоборот, мне приятно даже!

– Ну и правильно!

– Я, вот, недавно из Киргизии прилетел. И хочу вам, тетя Наташа, приподнести эту бутылочку.

– Мне?

– Да, тетя Наташа, вам. Я столько от Володьки о вас слышал...

– Когда ж ты успел?

– Да я уж несколько дней у него...

– А чего ж не приходил? Вов, ты почему друга своего скрывал?

– Да я боялся, что он вас отобьет у меня!

– Правильно боялся! Но хорошо, что решился все-таки!

Все рассмеялись.

– Так что, Жень, за бутылочка?

– Это, тетя Наташа, знаменитый «Арашан», бальзам на киргизских травах. Это что-то необыкновенное, поверьте!

– Теть Наташ, я открою вам секрет. Это любимый Женькин напиток. И дарит он его очень редко и только тем, кого по-настоящему...

– Вов, хватит языком молоть! Дай я сам скажу.

– Нет, правда, тетя Наташ! Когда я ему про вас рассказывал, он вдруг говорит – я подарю Наталье Михеевне «Арашан». Было, Жень?

– Было, – улыбнулся Женя.

– Ну, вот так. А бальзам на самом деле удивительный! И от тоски, и от болезни, для души и для тела. Лучше в мире не придумано!

– Ну, спасибо тебе, Женечка. Ты меня, прямо, тронул до слез. Спасибо тебе. – Тетя Наташа смахнула слезинку. – Забыла даже, что хотела сказать.

– Тетя Наташа, а где шашлыком можно заняться?

– Вот! Я ж именно это и имела в виду. Пойдемте, покажу. Пока Марина доделывает свой сюрприз на кухне, она там кое-что затеяла, вы успеете, а потом и за стол!

Это был настоящий пир! Здесь была икра из баклажанов с зеленью и размельченным грецким орехом, *меня одна грузинка научила*, овощное рагу, золотистый холодец, украшенный

морковкой, яйцами и зеленью, знаменитые тетя-наташины нежного засола огурчики и опять, маринованные помидоры и патиссоны, моченые яблоки – *все с того года*, черемша собственного приготовления, фаршированный кабачок, капуста-провансаль, большая глиняная миска рассыпчатой картошки с укропом. На отдельную тарелку были выложены ровные стрелочки белоголового зеленого лука, зелень и первые свежие огурцы со своего огорода. Посреди стола живописно смотрелось овальное блюдо с шампурами. Аппетитно прожаренные кусочки телятины чередовались с кольцами репчатого лука, помидоров и красного перца. Маринин сюрприз заключался в трех румяных кулебяках – круглой с грибами, овальной с мясом и прямоугольной – с капустой. На каждой сверху было выложено жгутиком из теста «Вова». Подарком от тети Наташи была ароматная уха и жареные караси, пойманные на рассвете соседским Лешкой. А Таня испекла чернично-малиновый пирог к чаю. Между блюдами были искусно втиснуты старомодные графинчики с вишневым, сливовым и рябиновым наливкой и возвышалась запотевшая бутылка водки. Рядом с ней, потеснив кувшин брусничного морса, нашел свое место «Арашан». А самый центр стола украшал букет ромашек и полевых гвоздик в невысоком глиняном бочонке из-под меда.

– Вот это стол! Вовка, я такого дня рождения что-то не припомню!

– Ничего себе! Тут мы неделю праздновать будем и то не справимся!

– Ладно вам! Давайте садиться, а там видно будет! Мы можем и неделю праздновать, куда нам торопиться!

– Подождите, подождите! Эту красоту надо запечатлеть и сохранить для будущих поколений! – Женя достал тяжелый и довольно громоздкий фотоаппарат с большим объективом и несколько раз щелкнул.

– Не удивляйтесь, Женя профессиональный фотограф. Он фотокорреспондент, делает снимки для разных журналов. Марин, помнишь, тебе понравился снимок вершины холма? Это Женька с вертолета снимал.

– Правда?! Это потрясающий снимок! Женя, вы нам расскажете что-нибудь такое, необычное, из вашей практики?

– Он может вам столько всего рассказать, у него все необычное!

– Да ладно тебе. Давайте сначала выпьем за Вовку, он у нас сегодня именинник.

– Володя, за тебя!

– За удачу!

– Будь здоров!

– Спасибо! Буду!

* * *

– Да-а, у меня такого дня рожденья сроду не было! Надо передохнуть.

– Какое передохнуть! Вы ж ничего не ели! Вон все на столе почти нетронутое.

– Теть-Наташ, пощади. Тут еды на целый полк. Я, наверно, до следующего дня рожденья наелся.

– Ладно уж! Идите, отдохните. А потом продолжим. Вас еще уха ждет.

– Ой, тетя-Наташ!

– Никаких «ой»!

Марина, Таня и Женя вышли на крыльцо покурить.

– А ты чего не пошел, именинник? Со мной решил остаться?

– Теть-Наташ, я хотел у вас спросить, если, конечно, это удобно. А Таня и Марина, они, что...незамужем? Или в разводе?

– Ох, Володенька, все не так просто. У них мужья погибли. У Танюшки шесть лет назад муж умер, а у Маринки...

- Что это вы тут секретничаете? А? Идемте к нам на крылечко.
- Иди, Володь, иди, а я тут сейчас уберу немножко...
- Теть-Наташ, ты чего придумала! Не возись, мы с Танькой потом сами все уберем. Пойдем, посидим все вместе, Женя нас сфотографирует.
- Ну, пошли, уговорила.

* * *

После нескольких снимков «*А теперь со мной, тетя-Наташ. Женя, давай тебя целкнем. Скажи, куда жать. Тань, стань-ка поближе. Отлично!*», все расселись на прогретых ступеньках крыльца. Недалеко от них на траве, раскинув лапы, спал разморившийся от солнца и игры старый Буля. Рядом с ним на боку дремал Друг. По его чутко подрагивающим ушам было件нятно, что он, несмотря на дрему, вполне контролирует ситуацию.

- Хороший пес. Тань, а он тебе никого не напоминает?
- Ты знаешь, Мариш, я уже несколько раз хотела тебя спросить об этом же. Очень напоминает.
- Кого? Вашу собаку?
- Да. У нас был чудный Грей, редкий умница. Он жил то у нас, то у Тани с Гришей, потому что он должен был научиться слушаться двух хозяев. Он все понимал, даже невероятно, что собака может так понимать речь.
- Да он даже без слов все понимал. Достаточно было взглянуть или кивнуть.
- С ним что-то случилось?
- Да. Он погиб.
- Понимаю. Вообще, лайки удивительные собаки. Вот наш Друг, например. Необыкновенный пес. Умнейший. Благородный. А между прочим, ему тяжело пришлось в этой жизни.
- А в той?
- В той? Не знаю, он нам не рассказывал. Но думаю, что переход из той жизни в эту как раз и был самым тяжелым.
- Можешь рассказать?
- Могу. Но это долгая история. И очень невеселая. Ну, что, будете слушать или в другой раз?
- Давай сейчас.
- Хорошо. Дело было так... Сначала короткая предыстория. У меня был друг, тоже геолог, мы учились в одной группе, хороший такой парень...
- А как его звали?
- Юра его звали, Юра Егоров. А что?
- Нет, нет, ничего. Извини, что перебила.
- Так вот, звонит мне как-то Галка, его жена, вся в слезах, и сообщает, что Юра пропал. Как? Что? Не знает, ей толком ничего не рассказали, сообщили только, что он исчез и его не могут найти. Кто сообщил? Вроде кто-то из начальства, то ли руководитель экспедиции, то ли начальник Юркиной партии. Она пыталась дозвониться по всем телефонам, но там либо никто ничего не знал, либо вообще не брали трубку. И поди гадай, что там было – пьяная драка, медведь или еще что-то. Места глухие, леса, народу там – один лесник на сто километров, да и то не везде. А в экспедиции в основном, конечно, люди надежные, но... всякое может быть. Мы шум подняли, дело уголовное завели, начальник экспедиции клялся и божился, что сам не понимает, куда Юра мог подеваться, что никаких драк и прочих ЧП у них не было. Остальные участники экспедиции то же самое твердили. Понятное дело. Улик нет, следов никаких. Да никто и не занимался этим по-настоящему. Кому охота в эту глушь ехать? И кого допраши-

вать? Короче, дело было спущено на тормозах. Все заглохло. Полная тишина. Партию рассортировали по разным экспедициям, никто не болтал, никакие подробности так и не всплыли.

– То есть его так и не нашли?

– Да, дорогая, не нашли и не искали. Даже перед Галкой не извинились, помощи никакой ей не предложили, или, кажется, скинулись, сумму ей какую-то собрали, но и все на этом...

Владимир вытащил из пачки сигарету, пошелкал зажигалкой.

– Вот что значит – бросил курить. Даже зажигалка не срабатывает. Ладно... Нет, не надо, – отказался он от протянутых спичек. – Так к чему я это все рассказываю? К тому, что на следующий год мы решили отправиться туда и попробовать что-нибудь выяснить. Откладывать было нельзя. И так целый год был потерян. Нас было четверо – мы с Женькой и еще двое наших друзей, тоже геологи.

– Мы раздобыли координаты района экспедиции. Карта у нас была. Маршруты мы разработали. В общем, мы знали примерно, где искать. Но, сами понимаете, надежды почти не было. Ничтожная доля шанса.

– Прости, Володь, а где это было все?

– Это северо-запад Карелии.

– Карелии?! – Таня сжала Маринину руку и почувствовала, что Марина тоже старается унять дрожь.

– Ну, да. Вы бывали там? А мы много по Карелии ходили, да, Жень? Волшебные места по красоте. Вообще, Карелия особый край. Народ туда как магнитом тянет. Летом на байдарках сплавляются по рекам, целыми семьями приезжают, с детьми. Летом там поспокойнее. А вот весной, в паводок, туда опытные сплавщики наезжают. Но я вам скажу, это не для слабонервных. Сколько там народу гибнет каждый год! И все равно едут. А есть там места совершенно неизведанные. Их даже на карте нет. Леса первозданные, тишина, иногда набредешь на дом деревянный, полуразрушенный, стоит – весь потемнел, дверь поскрипывает на ветру... И ни души. Кто здесь жил, что произошло? Никто никогда не узнает. Или, например, вдруг колея железнодорожная. Вся насквозь проросла травой, цветочками блеклыми. Рельсы местами разобраны. Кто это сделал? Зачем? Гайки ржавые. Шпалы прогнили, потрескались. А колея уходит вдаль и так плавно поворачивает на горизонте... куда она ведет? Жуть. А потом домой приедешь, и тебе эти места сниться начинают. И ты понимаешь, что не будет тебе жизни, если еще раз не увидишь тот дом. И ту колею заброшенную. А ведь их еще надо найти. Карты-то нет. Идешь по памяти. Если удастся – такое счастье, что ничего уже больше не надо. Как себя нашел. А если нет... Спятить можно. Как приколдованный туда каждый год будешь возвращаться... Да-а... – Владимир задумался.

– Кстати, я до сих пор не понимаю, – нарушил молчание Женя, – почему экспедиция Юркина работала на северо-западе Карелии. Кто их туда определил, непонятно. Там и разработок-то никаких нет. А разведку там делать нерентабельно, только если на двести-триста лет вперед. А для чего? У нас и известные-то месторождения бездарно эксплуатируются. Вообще Карелия такой регион, что надо еще крепко подумать, что важнее – лишнее месторождение ванадия, и ради этого загрязнить все вокруг опасными примесями...

– А нужен этот ванадий?

– Вот именно! Или сохранить уникальную экологическую зону? Здесь и минеральные источники, и заповедники, и реки с чистой водой. Тут от туризма можно большой доход иметь, чем от этих шахт. И, главное, без ущерба природе. Ну, ладно, Вов, не будем отвлекаться. Давай, рассказывай.

– Так вот, искать Юрины следы нам надо было на северо-западе, как раз, где больше всего неизученных зон. Не буду вас утомлять деталями. Но скажу вам, что мы, как бывалые поисковики, осматривали каждый метр леса, каждый овраг. Особенно тщательно мы исследовали место, где была их база и вокруг нее. Один из нашей четверки, Валерка Краснов, обна-

ружил несколько сломанных удочек, и еще мы нашли большую сеть, прорванную в нескольких местах. Это означало, что где-то недалеко должна быть река или озеро. Валерка, – кстати, сам опытный сплавщик, участвовал в нескольких труднейших спасательных операциях, – сказал, что в этих местах есть очень коварные небольшие реки, которые с виду кажутся совсем безобидными. На самом деле это рукава более крупных рек. Бывает, что река вдруг разветвляется на несколько потоков, русла которых пролегают довольно далеко друг от друга. Потом эти потоки могут опять сливаться вместе, а некоторые так и остаются небольшими речками, которые впадают в другие реки или озера. И вот плывете вы по большой реке, преодолели несколько крутых порогов и решаете пройти по небольшой лесной речке, отдохнуть. Тихая, чистая, милая такая речушка. «Иди, иди сюда со своей байдарочкой». И тут такое начинается! Дело в том, что дно у этой речки, как бы это объяснить, многоуровневое – то рукой до дна достанешь, а через шаг – обрыв на три метра, потом опять мелко, потом опять яма глубокая. Сплошные водовороты! Но хитрость не только в этом. Помимо неровностей поперечных, там есть продольные выемки в пластах, образующих дно, то есть пласт может на довольно длинном отрезке быть как бы полым. И это создает эффект зигзагообразного течения. Подводное течение вдруг разворачивается в обратную сторону, вода устремляется в эту полость, а если еще есть уклон, то это происходит стремительно, мощно, и главное, неожиданно. Лодку разворачивает вспять, да плюс еще крутит в водоворотах. Это все происходит так быстро, что люди не успевают понять, что случилось, и их выбрасывает из лодки. Борьба против такого течения практически невозможно.

– Хотя Валерку-то как раз сумели спасти.

– Да, но это редкий случай. Просто те, с кем он был, знали про ту речку, они готовились, и у них были страховочные пояса. А так, когда не знаешь – это практически безнадежно. Ну вот, значит. Вскоре мы и вправду вышли к небольшой реке. Спокойная вода. Вроде неглубоко. Идем вдоль берега. Дошли до места, где река сворачивает влево. Вдруг, как сейчас помню, Женька говорит: «Тихо! Слушайте!»

– Я слышу, то ли кто-то хрипит, то ли вода бурлит... Я говорю, ребята, тихо!

– Мы прислушались. И тоже услышали непонятные звуки. Мы пробежали несколько метров, и нам открылась совсем другая картина. Река здесь была узкой, не больше десяти метров, но вовсе не тихой, а наоборот, какой-то особенно яростной. Очевидно, там была глубокая яма, и сильное течение сталкивалось с мощным водоворотом. И в самом центре этой воронки крутился и бился человек, который, по-видимому, был без сознания или уже мертв, потому что он не боролся, не взмахивал руками, его просто швыряло, как щепку. Но главное было в другом. Рядом с ним, не давая ему быть затянутым в водоворот, хрипя и задыхаясь, барахталась собака. Видно было, что у нее уже нет сил бороться с течением, вода все время захлестывала ее морду, но она отчаянно работала лапами, держа зубами человека за ворот рубашки или куртки. На миг она отпускала его, чтобы глотнуть воздуха, и тут же хватала его снова. Мы кричали собаке «Держись!», «Еще немного!», «Мы сейчас вас спасем!». Казалось, она все поняла и старается держаться. У берега росло много ивняка и каких-то кустов, из чего можно было заключить, что у самого берега довольно мелко. Но как нам добраться до них? И тут Валерка достает из мешка сеть, которую мы нашли на стоянке. Кто-нибудь может сказать, какой ангел нашептал ему взять ее с собой? Мы обвязались веревками, создав подобие альпинистской связки. Для страховки мы выбрали крепкое дерево со стволом примерно в тридцать пять – сорок сантиметров в обхвате, которое росло метрах в трех от кромки реки. И вот цепью мы стали подбираться к терпящим бедствие. Я стоял на берегу, между деревом и рекой. У самой воды стоял Женька...

– Да, где-то в метре от меня, но уже в воде, был Ришат. Тут действительно было еще мелко. Вода доходила Ришату до колена. Но кто знает, нет ли рядом предательской ямы?

– Самая трудная задача была у Валерки. Ему надо было приблизиться к ним на максимально возможное расстояние, суметь кинуть сеть и накрыть их обоих, потом как-то затянуть веревку и подтащить сеть с собакой и человеком к себе.

– И он должен был действовать крайне осторожно, чтобы самому не оказаться в водовороте. Правда, мы все его страховали...

– Но пес-то выбивался из последних сил, и нельзя было терять ни секунды. Валерка рассчитал, что поскольку воронка находится метрах в четырех от нашего берега, то максимально безопасное расстояние может быть не больше трех метров. Поэтому расстояние между ним и Ришатом было два метра. Ребята, как он шел эти два метра по чертову дну, рискуя каждую секунду оказаться в яме, я вам передать не могу. При этом в руках он держал большую и довольно тяжелую сеть. Но ему удалось! Он с первого раза сумел точным броском кинуть эту сеть так, что она полностью накрыла собаку и человека. Второе точное движение – и сеть затянута. Это была ювелирная работа! Медленно, шаг за шагом, Валерка двигался назад, к Ришату, и тянул за собой сеть. Потом они оба взялись за веревку и стали отступать к берегу...

* * *

Антон сделал небольшую паузу, налил в стакан минеральной воды, отпил немного. Его слушатели напряженно молчали.

– Вам действительно интересно? Если надоело, вы скажите, я...

– Ой, что вы продолжайте, пожалуйста!

– Читайте, читайте, мы слушаем.

– Давай, Антон, читай дальше.

– Хорошо. На чем я остановился?

– На рассказе Владимира.

– На том, как они тащили сеть к берегу.

– Ладно, слушайте дальше.

* * *

– ...Нечего и ожидать было, что человек жив. Собака в изнеможении лежала на берегу. Ее язык был фиолетово-синий, нос потрескался, из него сочилась кровь, глаза подернулись дымчатой пленкой. Я думал, что у пса инфаркт. Время от времени его сотрясала крупная дрожь. Я укрыл его своей теплой курткой. Женька сделал то же самое. Помнишь, Жень?

– Еще бы! Конечно, помню. Мы еще глотнули водки из фляги, чтоб самих не трясло.

– Да, точно. Только трясло нас не от холода, а от ситуации. Но что теперь? Кто этот человек? Кого мы спасли? Как он тут оказался? Мы решили посмотреть, нет ли при нем каких-нибудь документов. Документов не было. Ришат расстегнул его рубашку – может, татуировки или шрамы, хоть что-то. И тут он нам говорит: «Ребята, мне показалось, он живой». Мы кинулись, стали слушать пульс, сердцебиение. В общем, нам тоже показалось, что есть пульс. Он был очень слабый, просто призрачный. Но он был, мы все в этом убедились. Неизвестный был в глубокой коме, в абсолютном беспомоществе. И к тому же наглотался воды. Как тут быть? Делать искусственное дыхание? Но вертеть и двигать его опасно. Весьма вероятно, что у него есть переломы костей и другие серьезные повреждения. Можно только навредить, вызвать внутреннее кровотечение. Попробовать массаж сердца? Валерка, как бывалый спасатель, умел это делать, но не рискнул, так как давить на грудную клетку тоже было опасно – могли быть сломаны ребра. Вроде бы пульс стал чуть лучше прослушиваться. Или нам хотелось в это верить. Ну, хорошо. А что дальше? Ведь нужен врач, госпиталь, рентген. А куда его везти? И, главное, как? Ведь его надо каким-то образом доставить хотя бы на бывшую стоянку геологов, а там

уж искать транспорт до ближайшего населенного пункта. А здесь, как на грех, места – вот как я вам рассказывал. Небольшие поселочки кое-где, к которым и подъехать-то невозможно и о которых остальному миру ничего не известно. Но выбираться отсюда надо, в любом случае. И побыстрее.

Стали мы сооружать носилки. Здесь опять очень пригодилась сеть. Мы сложили ее вчетверо, прикрепили к четырем прочным гибким стволикам молодых деревьев, диаметром около пяти сантиметров. Получилось что-то, похожее на походный гамак-носилки. Постелили мы вниз свои куртки, на них уложили нашего больного. А собаку как? Если ее тоже на носилки, то сетка может прорваться, не выдержит тяжести. Если взять собаку на руки, то втроем нести носилки тяжело. Сначала мы все-таки положили пса рядом с хозяином. Но вы представляете себе наши носилки? Пес все время скатывался на человека, что было не очень хорошо для обоих в смысле возможных травм. Кроме того, сетка в некоторых местах грозила оторваться от палок. Тогда я взял пса на руки, положил его морду себе на левое плечо, его передние лапы – так, словно он обнимал меня за шею, и понес, как большого ребенка, поддерживая его за спину левой рукой, а правой – как бы под коленями задних лап. Женя и Ришат взяли за носилки спереди, а Валера один держал обе задние ручки. Так мы и шли, время от времени останавливаясь на пару минут, чтобы отдышаться. Придя на базу, мы обнаружили на территории сломанную телегу, но самое главное, что колеса были целы. Можно было уложить носилки на телегу и впрячься в нее, пристегнувшись ремнем. Это было очень тяжело, но все же легче, чем нести носилки на себе.

Можно было менять друг друга, впрягаясь в телегу поочередно.

– А собака? – чуть слышно спросила Марина.

– Собаку я по-прежнему нес на руках. Так вот. Надо было успеть куда-нибудь прибиться до темноты. Летние дни, правда, долгие, так что у нас было еще несколько часов светлого времени. Нам очень повезло, потому что мы встретили человека! Это был старик в клетчатой рубашке, стеганой жилетке, с бородой, морщинистый, но какой-то опрятный. Он почти не говорил по-русски, но глядя на носилки, понял, что мы ищем больницу. Жестами он попытался объяснить, куда нам идти и где свернуть, и несколько раз повторил название городка. Благодаря этому старику мы через пару часов добрались до поселка городского типа и нашли там больницу. Врач была очень строгой на вид, маленькой, сухой и худой старушкой, к тому же фанатично чистоплотной. Она вполне хорошо говорила по-русски, так что мы рассказали ей все как было, оставили свои координаты – адреса, телефоны, взяли, кстати говоря, у нее адрес больницы. Она еще дала нам телефон своей внучки, которая жила чуть ли не в Петрозаводске. Но внучка очень редко приезжала к бабушке, так что связываться с ней не имело смысла. Так, на всякий случай. Вот. И оставили мы нашего пациента в этом городке. Что с ним стало – не могу сказать. Боюсь, что он не смог выжить. Думаю, иначе нам бы позвонили. А собаку я выходил. Помню, подхожу к нему как-то, а он смотрит на меня, взгляд уже совсем другой, умный, не затуманенный. Ну что, друг, говорю. Легче тебе стало? А он мне руку лизнул. Верите, у меня слезы из глаз. Я понял, что пес – мой. Валерка тоже вроде его хотел взять, но он все время в разъездах. А я решил оседлый образ жизни начать. Довольно я помотался. Устал. Вот такие дела, девочки. А Юрку нашего мы еще пару недель искали. Никаких следов. Наверно, лежит где-то на дне...

– А помнишь, Володь, мы там на берегу кое-что обнаружили, две вещи? Кепку и ножик перочинный, сломанный.

– Да, мы их с собой взяли. Но Галка сказала, что это не Юрины вещи. Не знаю, куда они делись.

– Они у меня до сих пор хранятся. Ведь кто-то же их там оставил. Может, когда-нибудь случайно...

– А что за кепка? – охрипшим внезапно голосом спросила Марина. Казалось, у нее вдруг сдавило горло, и ей трудно говорить.

– Мариша, что с тобой? Что с горлом? А кепка довольно интересная. С секретом. Она из камуфляжа. Такая пятнистая. Сразу и не заметишь. Зато внутри по ободку...

– Внутри по ободку вышито бордовыми нитками «МИКРО-МАКРО», и еще пришит маленький бантик из синей тесьмы.

– Точно! Именно так. Откуда ты это знаешь? – Владимир с изумлением уставился на нее.

Марина хотела что-то сказать, но губы ее задрожали, глаза наполнились слезами, и она, показав жестом «извини, сейчас не могу», вскочила со ступеньки и побежала в сад. Таня бледная, прикрывая ладонью мокрое от слез лицо, бросилась вслед за ней.

– Марина, куда ты? Таня, милая, да что с вами случилось? Тетя Наташа, что произошло? Не надо было мне рассказывать эту историю!

– Нет, Володенька, надо было! Еще как надо! Сейчас они вернутся, успокоятся и расскажут вам свою историю. Жень, принеси-ка мне валокордину. Он там, на террасе, на подоконнике.

* * *

Владимир долго не мог поверить, что такое возможно. Они с Женей сидели ошеломленные, потрясенные, и без конца повторяли одно слово – «невероятно!» История, которую все ее участники считали только своей, вдруг поменяла очертания, расширила границы и зазвучала совсем иначе. Владимир никак не мог успокоиться – ведь достаточно было одного крохотного несовпадения – и все, цепь бы не сложилась.

– Марин, ты только представь себе, что вы с Таней в то утро не пошли бы в лес. Или мы с Другом направились бы в другую сторону. Или Таня не подвернула ногу. Или...

– Мы могли вообще сюда не приезжать. Вон сколько лет не ездили.

– Послушайте, ведь мы уже были знакомы, – вступила в разговор Таня, – но если бы Володя не стал рассказывать свою историю, мы бы еще долго ни о чем не узнали.

– Да-а, невероятно все это. Невероятно. Рассказать кому-то – скажут, придумали. Так не бывает.

– Но нашим-то расскажем, да, Вов? Надо будет познакомить вас с Валеркой и Ришатом.

– Да, Жень, это правильно ты говоришь. Вот осенью все соберутся, и организуем.

– Приедем в Москву, я вам фотографии покажу. Между прочим, тех самых мест. Слушай, Вов, а может, съездим туда все вместе?

– Куда? В Карелию?

– Да. Пусть увидят своими глазами ту речку и дерево, к которому ты был привязан. Камень памятный положим, там, где Миша твой погиб. Ты извини, Марин, за прямоту. Ну, что скажете?

– Идея сумасшедшая. Но я – за.

– Мариш, я в тебе не сомневался. А ты, Тань?

– Это реально?

– Все реально.

– Согласна.

– Володь, что молчишь?

– Ошарашен. Но мысль интересная.

– Надо будет поговорить с ребятами, и на следующий год, где-нибудь в июле...

* * *

– А как ты думаешь, почему Грей нас не узнал?
– Я думаю, что он узнал.
– Но он не прыгал, не здоровался, не лизался.
– Во-первых, не забывай, что он перенес сильнейший шок. Вполне возможно, что у него было сотрясение мозга. Я не знаю, бывает ли у собак амнезия, но допускаю, что последствия тяжелых травм могут быть всякие. Но при этом, заметь, он дал тебе себя гладить и даже позволил трогать за уши. Я, помню, тогда глазам не поверил. Думаю, что-то здесь не то. Околдовала она моего пса.

– Володь, а если я ему посвищу, как когда-то? Можно? Мне интересно, вспомнит он или нет.

– Вообще, это неправильно. Зачем его будоражить? Но один раз разрешаю. Давай, свисти.

– Тань, давай ты тоже. Я первую строчку, ты вторую. Помнишь?

– Неужели не помню! А где он?

– Где-то здесь, с Булей играет. Должен услышать.

Они посвистели.

– Ничего. Давай еще раз.

А в это время пес дремал на травке за домом. И вдруг... он наострил уши, сердце его забилося. Нет. Тихо. Может, послышалось? И тут свист повторился. Грей вскочил и, прижав уши, пулей полетел на родной, почти забытый, такой долгожданный зов. Он радостно мчался, а за ним бежал тоже радостный, но ничего не понимающий Буля.

* * *

Антон дочитал последнюю строчку и закрыл журнал.

– Все. Конец.

Несколько мгновений стояла тишина. А потом раздались аплодисменты. Антон был расстроган и смущен, он не ожидал, что будет такая реакция.

– Спасибо вам огромное!

Замечательно!

– Где можно купить ваши книги?

– Слушай, брат, ты даешь!

– Ну, ты мастер слова!

– Ай да Антоха! Сукин сын!

– Как ты... это... так все умудрился...

– Нет, правда здорово!

– А вы по каким дням выступаете?

Мало-помалу публика начала расходиться. В «Уголке» осталась только наша команда и компания за соседним столиком. Они о чем-то тихо спорили. Потом один из мужчин произнес: «Все-таки я попробую». Он подошел к нам.

– Простите, можно с вами пообщаться?

– Пожалуйста, присаживайтесь!

– Спасибо. Вы знаете, нам очень понравилось!

– Это приятно слышать!

– Антон, ты у нас теперь знаменитость!

– Классик!

– Шнитке от литературы!

- То Шнитке?
- Тошнитке!
- Матери-ализовавшийся Белкин!
- Какой матери?
- Какой нализовавшийся Белкин?
- Ну, повести Белкина. Пушкина.
- Так он, что ли, Пушкин?
- Да не Пушкин. Белкин.
- Он еще не Белкин. Он полу-белкин.
- Слушайте, а не пойти ли вам...
- А Недобелкин-то наш зазнался! Людям читающим грубое слово молвил!

Мы веселились от души. Антон, казалось, был счастлив. Его можно было понять. Это был успех, и возможно, начало широкого признания.

Мужчина, севший за наш стол, тоже смеялся, хотя чувствовал себя немного неловко. А может, и не чувствовал, потому что он не уходил, а терпеливо дожидался возможности что-то спросить у Антона. Наконец ему это удалось.

- Антон, скажите, пожалуйста, откуда взялся этот сюжет?
- Что значит «откуда»? – удивился Антон. – Из мозгов...
- А как вы до этого додумались? Вам никто не помогал?

– Вы знаете, своими успехами я обязан бывшей теще. Она несколько лет кормила меня рыбой, только рыбой и ничем, кроме рыбы. В моих мозгах образовался такой пласт фосфора, что он осветил мне тайные закоулки серого вещества, где гнездятся сюжеты.

– Ты говоришь о сюжетах, как о тараканах. Я прямо наяву увидел закоулки твоего мозга, где притаились тараканы.

– Ты вон спроси у Виктора, кто сегодня без тараканов. Если ты, то обратись к психиатру – это патология.

Пробираясь сквозь наши шуточки, мужчина настойчиво добивался внимания Антона.

– Вы знаете, Антон, я сейчас очень удивлю вас и всю вашу компанию.

– Вот как? Давайте попробуем. Сто лет не удивлялся. А эти просто не умеют удивляться.

Им не дано, они примитивны.

– И все же я попытаюсь.

– Внимание! Начинаем! Прошу!

– Позвольте вам представить моих друзей: Марина, Татьяна, Евгений. Мое имя, если вы еще не догадались – Владимир.

– Вот это да! Действительно, удивительное совпадение!

– Это еще не все! Фамилия Татьяны и Марины – Кротовы, поскольку именно такой была фамилия их мужей, Михаила и Григория, которые были братьями. Как вам это?

– Потрясающе!

– Но и это еще не все. Михаил и Григорий несколько лет назад попали в какую-то переделку в Карелии. Михаил пропал без вести, а Григорий умер, так и не оправившись от травм. У них была собака, которая тоже пропала, и которую я выходил, поскольку мы с друзьями оказались в Карелии в поисках своего пропавшего сокурсника по имени Юрий Егоров в то самое время, даже в тот самый момент, когда жизнь Григория и Грея буквально висела на волоске. Два года назад Таня и Марина приехали погостить к тете, живущей под Смоленском, которую зовут Наталья Михеевна и у которой есть собака Буля. Там я и Женя познакомились с Таней и Мариной.

– Вы так внимательно меня слушали? Такое впечатление, что вы все наизусть запомнили.

– Мы очень внимательно слушали, но нам не надо было ничего учить наизусть, потому что события своей жизни мы знаем прекрасно.

– То есть вы – прототипы?

– Похоже, что мы не прототипы, а герои вашего рассказа. Знаете, обычно журналисты и писатели многое искажают, что-то сами додумывают. А вы так точно все описали...

– Не понял. Что додумывают? Что я точно описал?

– Буквально все. Например, о том, как умирал Гриша. Или как Валера бросал сеть. И вообще все. Откуда вы узнали все так подробно? Ведь кроме нас, никто не мог вам этого рассказать.

– А про кепку и надпись? Это ведь сокращенно Михаил Кротов – Марина Кротова. А бантик, это уж совсем личное. Я его спорола с халата и пришила на кепку, чтоб не забывал. Миша смеялся, но очень любил смотреть на этот бантик, когда уезжал. Откуда вам все это известно?

– Да, Антон, а я еще хотела спросить, как вы узнали фамилию той старенькой врачихи и само название городка, где Гриша лежал в госпитале?

– А про меня как вы узнали? Вы видели мои фотографии? Мы с вами могли где-то пересекаться?

– А история Грея, например. Как вы узнали, что я назвал его Другом? И как я нес его на плече? И, главное, все наши разговоры. Вы пишете так, как будто сами присутствовали и стенографировали. Да, вот что меня еще поразило. То, что вам известна история Юры Егорова. Об этом вообще очень мало кто знает. Чудеса!

Антон минуту или две молча смотрел на новых знакомых. Потом он покачал головой и рассмеялся.

– Ребята, это потрясающе! Гениально! Как я сам не додумался до такой концовки! Встреча с героями рассказа! Лихо вы это сообразили!

– Да мы ничего не... Это действительно...

– Да ладно, ладно! Отлично все! Знаете, в каждой профессии свои секреты. Журналистское дело – это такая работа... Никаких чудес.

– Но кто же вам все-таки мог рассказать?

– Мария Степановна.

– Мария Степановна?! Тетя Маша? Но ей-то откуда все известно? Мы ж сто лет не общались!

Антон расхохотался.

– Ну, ребята, вы даете. Молодцы! Высший класс!

– Знаете, мы в прошлом году действительно съездили в Карелию, туда... А сейчас мы заезжали в Смоленск, к тете Наташе. И решили отдохнуть тут в пансионате несколько дней. Мы с Мариной женимся, и вот, отмечаем это... Мы приглашаем вас всех к нам на свадьбу. Будем очень рады, если вы придете. Там будут и... другие герои вашего рассказа.

– Отлично! Когда свадьба?

– Мы думаем, весной.

– Первого апреля?

– Может быть и так. Вот наши адреса и телефоны. Будем очень рады.

– Спасибо! Мы придем, обязательно! Счастливо! Удачи!

– И вам всем! Антон! Удачи вам в вашем журналистском деле!

* * *

Наконец мы остались одни в кафе. Мы начали дружно обсуждать сегодняшние события.

– А что, эта встреча вполне в духе всего остального рассказа. Там столько невероятных совпадений, что ты вполне можешь сделать такой эпилог. Будет очень эффектно.

– Слушай, Антон. А что ты все время хохотал? Что там было такого смешного?

– Мужики, да это же гениальный розыгрыш. Это высший класс, понимаете. Но меня-то не проведешь!

– Какой розыгрыш, идиот! Ты, что, не понял, что это реальные люди? Эти женщины действительно Кротовы, и все у них в жизни было, как ты описывал. Пока ты тут со смеху показывался, я с этим Женей разговорился. Он фотокорреспондент, работает, как ты правильно заметил, для нескольких изданий. Так вот, он мне все рассказал, как было. А было именно так, как в твоём сочинении. Поэтому они и пытались выяснить, откуда тебе все известно про них, да еще в деталях. А ты все ржал, как конь, и кричал «гениально!».

Антон помрачнел.

– Не может этого быть. Это розыгрыш!

– Да какой розыгрыш! Очнись! Писатель!

– Слушай, а где ты, правда, нагреб эти подробности? Ведь если ты их всех раньше не знал и только сегодня впервые увидел...

– Да я не нагреб. Поймите. Я это все придумал.

– Ну нам-то не заливай!

– Да правду я говорю. Я это придумал сам, из собственной головы. Это вымысел, все до последнего слова.

– А то, что мы тут сейчас сидим, это тоже вымысел?

– Нет, это не вымысел.

– А ведь они только что рядом с нами за столом сидели!

– Ну и что? Я не знаю, кто эти люди на самом деле.

– Да Кротовы они, я и паспорта видел, и фотографии мне Женя показывал. Грей такой чудесный пес, и впрямь на волка похож.

– Послушай, Антон, о каком розыгрыше может идти речь, если никто заранее не знал, включая тебя самого, что ты будешь читать свой рассказ! Неужели четверо немолодых людей вдруг решили разыграть нас всех, запомнив дословно весь текст, срочно под столом изготовив фальшивые паспорта, фотомонтаж и прочее. Тебе надо к доктору. Вить, принимай пациента.

– Но я на самом деле...

– Антон, не кипятись. Ты талантливый журналист, и журналистское дело в том и заключается, чтобы, получив конкретный жизненный материал, писать о людских судьбах и о разных других темах правдиво, ничего не искажая и не придумывая.

– Да что ты говоришь! Вот оно что, оказывается! А я-то пятнадцать лет работаю в журналистике и не знал, что это за работа такая! Спасибо тебе!

– Пожалуйста! Обращайся! Но я продолжу свою мысль. У тебя есть еще и писательский дар, который в сочетании с журналистским...

– Я еще раз вам повторяю...

– А кто такая Марья Степановна?

– Понятия не имею!

– Но ты же сам сказал...

– Это была шутка, понятно? Я назвал первое попавшееся имя, и решил, что они мне подыгрывают!

– А у них на самом деле есть такая тетя Маша.

– А у кого нет тети Маши?

– Но Степановна?

– Но вообще, Тох, ничего зазорного нет, если... Ты куда?

– Я устал. До завтра.

* * *

- Что это с ним вдруг стряслось? Непохоже, что выпил.
- Может, он у кого-то этот материал... позаимствовал? И теперь это может раскрыться?
- Нет, это исключено. Антон не мог. И потом, все рассказы проходят экспертизу перед конкурсом.
- Что-то здесь не то. Ладно, пошли спать. Пора уже.

* * *

Мне не спалось, и я решил выйти подышать воздухом. На скамейке около входа сидел Антон. Ему тоже не спалось. Я сел рядом.

– Я все время думаю об этом. Это невероятно. Это не может быть правдой. Я не мог с точностью до одной тысячной описывать события, которые были, но я не знал об этом. Вернее, о которых я не знал, что они были, но я их описал... Тьфу ты. Ну, ты понял. Не может такого быть, не бывает.

- Видишь, значит бывает.
- Нет, они соврали.
- Зачем им это?
- Захотелось пошутить.
- Они не похожи на таких людей.
- Послушай, подожди меня здесь, не уходи. Я сейчас вернусь. Подождешь?
- Подожду, конечно.

Через несколько минут он вернулся с журналом.

- Вот смотри. Видишь?
- Что?
- Какой год издания?
- 1996-й.

– Правильно. А написал я это еще раньше, можно по компьютеру проверить. И в моем тексте говорится, что несчастье с братьями Кротовыми в Карелии произошло в 1989 году, а через шесть лет, то есть в 1995-м, произошло все остальное. А они говорили обо всем как о недавних событиях. Они два года назад ездили в Смоленск, то есть в 2004-м, а у меня в рассказе в 1995-м! Рассказ вышел раньше, чем все это случилось!

- Но это же невероятно!
- Вот именно! И я о том же твержу.
- Но ведь факт налицо!
- Какой факт?
- Тот, что твоя выдумка полностью совпала с настоящими событиями, которые произошли позднее.
- Значит, ты веришь, что это моя выдумка?
- Вроде бы верю. Но... все-таки это невероятно.
- Ты, что, издеваешься?
- Да ты сам в это никак поверить не мог, все кричал, что тебя разыграли.
- Честно, я до сих пор не могу понять, как это произошло. Ведь я помню, как я придумывал, понимаешь? Сидел ночью, за компьютером, сочинял, радовался. Перечитывал. Думал, вроде хороший рассказик получился. Динамичный такой. Его и напечатали быстро. Потом этот конкурс. Мне могло прийти в голову, что все это оживет?
- Может, ты провидец?

- Да иди ты... Какой провидец!
- Ну, не знаю, Тох, как все это объяснить.
- Вот и я не знаю.
- Слушай, наверно, надо вот что сделать. Надо встретиться с ними со всеми и поговорить.

Объяснить им все, как есть. Может, что-нибудь прояснится.

* * *

Это было первое, что мы сделали, вернувшись в Москву – позвонили Владимиру и Марине. Марина пригласила нас к себе домой. Мы долго сидели и разговаривали. Конечно, ни о каком розыгрыше и речи быть не могло. Все события в рассказе Антона действительно абсолютно точно соответствовали тому, что случилось с реальными людьми, но значительно позже. Все подробности были описаны с точностью очевидца. Объяснения этому явлению мы так и не смогли найти.

Эта история сильно подействовала на Антона. Он перестал бывать в редакции, объявил, что у него творческий кризис – больше никаких рассказов. Он выглядел угрюмым, с потухшими глазами. В разговорах старался не участвовать, почти не смеялся и улыбался крайне редко. На любой вопрос отвечал – не надо меня ни о чем спрашивать. Последнее время он вообще отказывался от встреч, ссылаясь на какие-то обстоятельства.

Мы явились его спасать.

- Слушай, Антон, что с тобой происходит?
- Да ничего со мной не происходит. Все нормально.

Он долго сопротивлялся нашим попыткам поговорить откровенно, но потом сдался.

– Да поймите вы, наконец, что я не могу избавиться от мысли, что вы думаете, что я эту историю у кого-то... – Антон употребил не слишком цензурный оборот. – Ну, не вы, так все остальные. А я-то знаю, что это не так, но доказать не могу.

– Но ты же сам говорил, что рассказ напечатан гораздо раньше, чем это все случилось в жизни..

– И я буду за каждым бегать и трясти перед его носом журналом? А как объяснить это совпадение? Ведь это невероятно, я сам бы не поверил, если б такое не со мной случилось.

– Вообще, конечно, история непонятная...

– Вот именно! Я уж тут о себе вообразил невесть что и испугался. Вдруг я действительно могу накликавать что-то или предугадывать.

– Так накликавать или предугадывать? Это разные вещи.

– Не знаю. Как сказать – накликал я несчастье с братьями Кротовыми или предугадал? Может, не напиши я этот рассказ, и ничего бы не было. Или потому и написал, что увидел все, как наяву?

– Слушай, Тоба, так и свихнуться недолго.

– Знаешь, не хотелось бы. Я тут несколько раз пробовал прогноз делать на итог конкурса, финал чемпионата, исходы разных матчей. В букмейстерскую контору ходил, не ленился, чтобы вещдоки моих прогнозов иметь.

– И как?

– Не сто процентов, но угадывал часто. Слишком часто для нормального человека.

– А раньше пробовал играть?

– Нет, раньше не пробовал. Ни к чему было.

Мы сидели в задумчивом молчании, время от времени делая по глотку коньяка. Но что-то в этот раз ни легкого настроения, ни ясной головы он не создавал. Не знаю, как у остальных, но у меня в голове вертелись невнятные разрозненные слова вроде «н-даа. Черте-что. Вот уж

действительно. Что делать-то?», которые даже при усилении не складывались в конструктивную мысль.

Виктор Маркушев, наш главный специалист по неординарным психическим состояниям, сосредоточенно разглядывал нас, как в лорнет, сквозь дырчатый ломтик радамера.

– Вот что я думаю, – наконец произнес он, решительно отправив сыр в рот. – Во-первых, не вижу причин для беспокойства. Умеешь предсказывать? Отлично! Воспользуйся этим себе во благо. Не зарывайся, не жадничай. По-скромному. Можешь и друзьям помочь. Спасибо скажем. И не надо паники. Не ты один такой. Есть и другие игроки, которым везет больше, чем остальным. Они радуются, а не паникуют. Теперь, второе. Умеешь накликивать, как ты говоришь? Давай, накликивай. Только хорошее. А не плохое. Пиши о каких-нибудь самых невероятных событиях, но без ущерба для героев. Пусть сбывается. Можешь даже написать, что у нас экономика выздоровела в таком-то году. Что благополучно разрешены многие политические проблемы. И так далее. Вперед!

Предложение Виктора нас развеселило. Даже Антон рассмеялся, почувствовав, что груз, который он взвалил на себя, не так уж тяжел.

– Главное, ты в любом случае ничего не теряешь, – развил мысль Лева. – Если все получается, то все довольны. А если не все получается – то беспокоиться не о чем. Значит, с тобой все в порядке.

– А как же с этим рассказом? Ведь с ним так и неясно.

– Ты знаешь правду? И мы знаем! А остальные... Ну, что делать, пусть думают, что хотят. Ты журналист и писатель. Станешь известным, будешь выступать перед публикой, давать интервью. Кто хочет, тот поверит, кто не захочет – не заставишь. Ну и ладно.

После этой встречи Антону явно полегчало. Он перестал бояться самого себя, а главное, он убедился, что мы ему верим. Это было для него важнее всего.

Интересно, что ему действительно везло в игре – мы несколько раз делали ставки во время очередной Лиги чемпионов, и каждый раз его прогнозы оказывались точны. Но когда его спрашивали, пишет ли он что-нибудь новое, он уходил от ответа, а на просьбу почитать что-нибудь, отвечал, что материал еще сыроват.

Мы подружились с новыми знакомыми.

– Скажи, Антон, а у Тани с Женей что-нибудь получится? – однажды поинтересовалась Марина.

– Получится, не сомневайся, – ответил, смеясь, Антон. – Зря, что ли, я его для нее придумал?

В другой раз Володя в шутку спросил у Антона, будет ли у них с Мариной ребенок.

– Будет. Девочка. Анечка. Три восемьсот, 54 сантиметра.

– Только это будет не дочка, а внучка, – добавил он, увидев округлившиеся Маринины глаза.

Вскоре Олег объявил, что они с Ирой ждут ребенка, а через некоторое время у них родилась... двойня, мальчик и девочка. Мальчика назвали Димой, а девочку – Юлей.

Антон был немного обескуражен, сказал, что со стороны Олега это явное своевольство и непочтение к авторскому праву. А потом заявил:

– А чего вы ждали? Я вам не предсказатель.

И снова ушел с головой в журналистское дело.

Тетя Туся

Нас было шестеро: Виктор Маркушев, врач-психиатр; Антон Беликов, журналист; Лев Генкин, переводчик с итальянского; Владимир Гурман, биохимик; Бронислав Чен, врач, и наконец... чуть не забыл, кто же шестой – это я сам, Матвей Шаковский, преподаватель права в одном из московских вузов.

* * *

В один из позднеоктябрьских вечеров мы сидели как обычно в «Уголке» и если честно, то немного скучали, но о том, чтобы разойтись, даже речи не было. День выдался на редкость плаксивый, все дорожки и тропинки были размыты и сочились водой. Мы готовы были сидеть тут хоть до утра, только чтобы не проходить вновь под насквозь вымокшими деревьями, которые словно специально норовили стряхнуть ледяные капли нам за шиворот. Возможно, именно поэтому народу в «Уголке» было много, практически все места за столиками были заняты.

Мы изредка обменивались репликами, но общий разговор как-то не клеился.

– Скажи-ка, Лева, – вдруг обратился Володя Гурман к сидящему напротив него Льву, – ты куда так настойчиво устремляешь взгляд?

– Я не уверен, но, по-моему, я вижу тут одно лицо...

– Неужели? И какому телу это лицо принадлежит?

– Класс? Отряд? Семейство? Подвид?

– Да вон там, видите, мадам в одеяле.

– Левочка, детка, это не одеяло, это шаль расцветки «Бербери».

– Расцветки чего?

– Видишь ли, Лева, каждая женщина имеет среди прочих своих богатств хоть что-то в расцветку «бербери», а те, кто не имеют – стремятся иметь. Назвать шаль расцветки бербери одеялом – это все равно что назвать горностаевую мантию... ну не знаю... плащ-палаткой.

– Причем, если какой-нибудь поясок или бантик можно приравнять к тройке или четверке, то шаль – это уже у них туз. Но масть вся козырная.

– Да, Лева, такие вещи надо знать.

– Откуда мне? Это вы общаетесь с порочными женщинами.

– Ну, если считать любовь к расцветке в клеточку пороком, то непорочных женщин не бывает.

– Почему, бывает. Вот моя Муся, например... Живет спокойно без всяких этих.

– Да? А ты, Левочка, спроси у нее, хочется ли ей иметь что-нибудь такое...

– А лучше просто подари ей сумочку бербери, и мы увидим...

– Лев, если я правильно разбираюсь в людях, то эта дама в одеяле, мягко говоря, не молода... Чем она тебя так привлекла?

– Оставьте его. Это дело вкуса. Некоторые любят похолодней...

– Лева, признайся, может, ты геронтофил?

– Да какой к лешему геронтофил! Я ее знаю около тридцати лет, если это она, конечно.

Вернее, я ее видел последний раз лет тридцать назад.

– Ребята, это его первая женщина.

– И последняя. Единственная любовь Льва.

– А как же Муся?

– А с Мусей он дружит.

– Слушайте, идите к черту. Обрадовались, накинулись! Это тетя Туся, подруга моей матери.

– Представляю, как ты сейчас подойдешь «тетя Туся, я нашел тебя! Где ты была все эти годы?»

– Только не рыдай ей в плед! Не порть «бербери».

– Может правда, подойти, спросить?

– Только не говори ей «тетя Туся».

– А как?

– Ну, как, по имени-отчеству.

– А думаешь, я знаю, как ее зовут? Я всю жизнь называл ее Туся. И мама так ее называла. А потом она уехала в Израиль. И все. С концами.

– Ну, подойди, спроси «вы Туся?», только без «тети».

– Да, попробую. Вдруг она. А то потом всю оставшуюся жизнь буду мучиться.

«Дама в одеяле, конечно, видела, что стала предметом нашего внимания. И ей наверняка хотелось знать, чем она нас заинтересовала. Поэтому когда Лева подошел к ней, она не стала изображать удивление, а предложила ему сесть. Мы не могли расслышать их разговор из-за гула в зале, зато было интересно наблюдать за ними, и по жестам и мимике вполне можно было понять, как развивается беседа. Судя по всему, Лева был очень благосклонно принят всеми подругами нашей дамы, сидящими за тем столом, они внимательно его выслушали, потом «дама в одеяле» отрицательно покачала головой, ободряюще похлопав Леву по руке, а остальные огорченно кивали – мол, мы бы все рады быть тетями Тусями, но увы... Наконец Лева встал, поцеловал ей руку, при этом явно получил приглашение присоединиться к их компании в любое время и по любому другому поводу, – и вернулся на свое место.

– Нет, это не она.

– Да мы уж поняли.

– Но похожа.

– Но ведь не она!

– Да. Зато я успокоился.

– Видишь, как хорошо. И ничего страшного.

– Да. Она нормально все восприняла. Но вообще, действительно, откуда тут взяться тете Туся?

– Не скажи, – возразил я. – В жизни чего только не бывает. Вот у меня был случай...

* * *

Случай, рассказанный мной, Матвеем Шаковским.

Теория генотипов

Несколько лет назад мы с женой – а она у меня эксперт-криминалист – были в Вене. Поездка была деловая, если точнее, это была конференция по вопросам законопроизводства и законоприменения по особо тяжким преступлениям. На одном из заседаний обсуждался феномен Брюске-Гертера, это был в свое время довольно громкий процесс, может быть вы слышали. Нет? Ладно, как-нибудь расскажу. Речь шла о расследовании преступлений, совершенных одним из близнецов или близким родственником подозреваемого. А потом перешли на двойников, т. е. людей, не связанных никакими кровными узами, но очень схожих внешне. Совпадает ли их генетический код и если да, то насколько? Это иногда бывает очень важно для расследования преступлений, как вы понимаете. Аня, моя жена, очень увлечена этими разра-

ботками, собственно говоря, она занимается ими уже несколько лет. Но дело не в этом. Вечерние заседания заканчивались в пять-шесть вечера, и потом мы были вольны гулять, отдыхать, делать что угодно. Но в тот день мы освободились поздно, где-то в восьмом часу. Мы побродили по центру и зашли в кафе «Моцарт» недалеко от Оперы. Это было в начале сентября, в Вене в это время всегда прекрасная погода, вечера теплые, как у нас в июле. Мы расположились на улице, заказали коктейли, сидим себе, расслабляемся... Эх... Полжизни бы сейчас... Нда... Ну так вот. Сидим себе, значит. Вдруг Анька мне вполголоса говорит «посмотри налево, только не сразу и не резко. Там один человек очень похож на Сашу Бермана». Я посмотрел – ну, вылитый Сашка. А это мой давний приятель, у нас очень хорошие отношения были всегда, мы и жили на одной улице. Но очевидно, он с семьей куда-то переехал, потому что мы уже лет шесть не встречались, и я ничего о нем не слышал. Я говорю «Ань, да, очень похож. Может, это он и есть?» «Ты что, нет, конечно. Это не он. Но сходство поразительное». Мы стали за ним наблюдать. Ему принесли кофе, еще что-то. Он вынул из сумки газету, сложил аккуратно, стал изучать какую-то статью. Анька разглядела, что заголовок на немецком языке. «Вот тебе еще одно подтверждение теории генотипов, о чем мы сегодня так долго говорили. Если существуют абсолютно одинаковые растения, одинаковые животные, то и среди людей тоже встречаются особи с абсолютным внешним сходством. Причем, как мы видим, ареалы могут быть различны, но сходны по климатическим условиям». «Но Анечка, не бывает абсолютного сходства даже у растений. У двух ромашек будут разные листочки и другие отличия, которые глазом не определишь». «Правильно. Но это если их положить рядом и сравнивать. Если бы Саша Берман сейчас был здесь, то мы бы тоже увидели, что этот его двойник иначе двигается, поворачивает голову, даже ложку держит по-другому». «Интересно, откуда ты так хорошо знаешь, как Саша Берман держит ложку?» «Слушай, Матвей, не дури. Я не знаю, как он что держит. Но я утверждаю, что если бы он был здесь, то мы бы заметили различия между ним и этим типом. А так ты бы, например, под присягой подтвердил, что это Саша или полный его двойник». «А ты бы не подтвердила?» «Ну, я бы как следует подумала. Но, пожалуй, тоже бы подтвердила». Мы продолжали увлеченно за ним следить. Лже-Саша медленно, но верно, допивал кофе, дочитывал статью и явно собирался расплатиться с официантом. Мы теряли его. «Что делать, Матвей?» «Ну, хочешь, давай подойдем к нему, познакомимся, объясним ситуацию». «И что дальше? Попросим его слюну на ДНК, возьмем отпечатки пальцев, сделаем снимок сетчатки?» «И заодно полное клиническое обследование – кровь, моча и прочее, при этом совершенно бесплатно». «Матвей, я не шучу и не вижу ничего смешного». «А что ты сама предлагаешь?» «Я не знаю. Поэтому я у тебя и спрашиваю. Но упускать его нельзя. Я не могу терять такой материал. Смотри, он сейчас уйдет! Придумай что-нибудь!» Когда женщина так просит, можно сказать уповаешь на тебя, даже если это собственная жена, то мужчина обязан быть на высоте. И я под прессом этого обстоятельства и повинуюсь импульсу, потому что размышлять уже было некогда, вдруг как заору «Сашка!» Люди за соседними столиками подскочили, главный объект вздрогнул, выронил из рук свою газету и с воплем «Мотька!» кинулся меня обнимать.

Как вы понимаете, это, конечно же, оказался сам Саша Берман, собственной персоной. Он тоже приехал сюда на неделю по делам. Мы очень были рады друг другу, без конца удивлялись неожиданной встрече. Мы подробно рассказали ему, как вели за ним наблюдение. Я не преминул ему заметить, что он неправильно держит ложку.... Саша хохотал до слез. «Анька почти убедила меня поверить в теорию генотипов. И если б я в последнюю минуту не окликнул тебя...» На это моя жена заявила, что мы ей все испортили, всю теорию, и что она нам этого не простит. Когда мы вспоминаем эту историю, то всегда веселимся от души. Кстати, это прекрасный пример того, как женщины могут нам заморочить голову и заставить поверить во что угодно. Между прочим, выяснилось, что Сашка никуда не переезжал, он по-прежнему

живет на нашей общей улице, и мы просто ни разу за эти шесть лет не пересеклись. И надо было нам обоим поехать на несколько дней в Вену, чтобы там наконец встретиться и выяснить, как жизнь и что нового. Вот такая история!

* * *

Мои друзья заметно оживились.

– Действительно, занятно.

– Здорово!

– Удивительная история!

– И абсолютно реальная! Я не придумал ни слова. Даже опустил некоторые детали. Вот вернемся в Москву, я могу вас познакомить с Сашей Берманом.

– Слушай, Матвей, а что это за дело Брю... Брюкса... или как там его?

– Брюске-Гертера. Вы правда ничего не слышали об этом? Ну, это довольно любопытная история. Я расскажу как-нибудь, обещаю.

В разговор включился Владимир.

– А у меня тоже был один эпизод – знаете, если б сам не был свидетелем, не поверил бы, что так бывает. До сих пор не верю сам себе.

– Ну, расскажи, Вов. Послушаем.

– Ну, значит, дело было так...

Случай, рассказанный Владимиром Гурманом

Зоя Павловна

Как-то вечером прихожу домой с работы – никого нет. Ни жены, ни детей. Но я недолго удивлялся, звонит телефон. «Володь, мы у мамы. Заезжай за нами сюда». «А что ж вы не позвонили, не предупредили? Я бы сразу поехал». Тут теща взяла трубку, мол, Володя, не сердись, извини, это я их вызвала, что-то плохо себя почувствовала. Давай, мы тебя ждем, поужинаешь и поедете.

Ну, ладно, думаю. От нас до тещи минут десять без пробок. Съезжу, раз такое дело. По дороге купил кое-какие продукты, всякую ерунду, чтоб у нее был запас какой-то. Я к теще-то хорошо отношусь. Она жить не мешает. Обо мне даже заботится. Короче, приезжаю, значит. Сидят на кухне – теща, моя Вера и наша дочка старшая Ася. «А Маруся где?» «Маруся уснула у бабушки на тахте с котом. Пусть спит». «Марья Григорьевна, что случилось? – Да, все уже в порядке. Страху нагнала. Поешь, все горячее». Накормили они меня. Сидим, пьем чай. Разговор зашел о Марусяке. Она девушка боевая, общительная, надо ее в детский сад определять, пусть энергию там расходует и дисциплине учится. А то она в свои три года всех детей, даже шестилеток, во дворе уже выстроила, ее так и называют – атаманша. И бабушка с ней не справляется. Она и бабушкой норовит командовать. Вот Аська такой не была. Ее отдали в сад, но она там не смогла прижиться, полгода походила, а потом все с бабушкой. Ба, почитай, ба, расскажи. А бабушку хлебом не корми, дай с внучкой пообщаться. Так и выросла без всякого детского сада. Короче, сидим, разговариваем.

– Пап, а ты ходил в детский сад?

– Да вроде ходил, но каких-то внятных воспоминаний этот период жизни у меня не оставил.

– Мам, а ты?

– Я долго ходила, до самой школы. У нас был очень хороший сад.

И тут Вера с Марьей Григорьевной пустились в воспоминания. У Веры была воспитательница – Зоя Павловна. Ее все дети любили. Добрая женщина. У нашей бабушки тогда тяжелый период был, она без работы осталась, так Зоя Павловна ее на лето устроила в детский сад на дачу нянечкой – и Вера пристроена, и мама при ней, да еще и деньги какие-то. Потом, когда Марья Григорьевна уже нашла работу, Зоя Павловна всегда к Вере как к своей дочке относилась. Кстати, с ее дочкой, Ларисой, Вера подружилась, они всегда вместе гулять ходили, а иногда у Зои Павловны в комнате играли, когда дождь шел. Верка спать днем не любила, так Зоя всегда потихоньку ее с Лариской гулять отпускала вместо тихого часа, и девчонки то раскрасками занимались, то книжки читали – Вера в шесть лет уже хорошо читала, а Лариска – тем более, она уже школьница была. Вера вспомнила, как они ходили с Зоей Павловной за грибами, как Зоя солила сыроежки, и Вера впервые в жизни их попробовала, как Зоя их учила различать ягоды – бруснику, костянику и волчьи, а землянику нанизывать на тонкую травинку, если нет с собой корзиночки или банки. Как впервые увидела Иван-чай на болоте, и само болото, и как Зоя рассказывала, что болото может затянуть, и у Веры так на всю жизнь и остался холодок ужаса при мысли о болоте. А еще Вера вспомнила, как топили баню, и как пахло дымком, и дым шел из трубы. И Вера всегда старалась попасть к Зое Павловне, так как та всегда аккуратно их ополаскивала, чтобы вода в глаза не попадала, а другие окатывали детей горячей водой с ног до головы, и за волосы дергали, когда расчесывали, и попробуй, пикни! А из хороших воспоминаний остались походы на дальний пляж, через огромный луг, полный ромашек, и через поле с васильками. Пляж был песчаный, вода в речке теплой, и Зоя разрешала купаться не десять минут, а почти сколько хочешь. Недалеко от пляжа была березовая роща, и несколько раз, когда был Зоин выходной, она брала Ларису и Веру, и они втроем уходили в березовую рощу, а потом купались в речке и валялись на песке, а потом возвращались через поле и луг, мимо огромных стогов, и каждая приносила охапки васильков, ромашек и полевых колокольчиков, которые потом в банках и вазочках стояли на длинных обеденных столах, и в спальнях детей, и в музыкальном зале и везде, где можно.

В Москве Зоя Павловна с мужем и Ларисой жили недалеко от Марьи Григорьевны, то есть от того дома, где до сих пор живет моя теща и где мы сидели и предавались воспоминаниям. Но потом у Зои начались какие-то неприятности с мужем, похоже, они развелись, и им пришлось разменять эту квартиру. Куда делся муж, бабушка не знает, а Зоя с Ларисой переехали куда-то на Преображенку, что было довольно далеко. Зоя уволилась из этого детского сада и устроилась в другой, поближе к дому. Вера помнит, как все переживали и говорили, что кому-то очень повезло, что они получили такую Зою. Потом Вера пошла в школу, детский сад стал забываться. Зоя Павловна первое время приезжала к ним в гости, то одна, то с Ларисой. Все звала к себе, но они так и не выбрались. Потом Зоя стала только звонить, потом все реже, и как часто бывает в жизни, их пути окончательно разошлись. С тех пор про нее ничего неизвестно, жива ли, здорова ли...

Мне, конечно, все это было очень интересно, все-таки это детство моей жены, да и Аська слушала, открыв рот. Но пора уже было собираться домой.

– Давай, Ась, буди-ка Марусю и поедем.

В это время раздался звонок в дверь. «Ой, ой» – запричитала теща, – «это же Лизавета, моя приятельница с четвертого этажа. Я обещала ей занести журнал и совсем забыла. Вер, открой ей. Я сейчас».

Вера пошла открывать дверь. Я стоял в коридоре и услышал такой разговор.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Вы Лизавета? Заходите, пожалуйста.

– Нет, я не Лизавета. А вот вы, наверно, Верочка.

– Да.

В голосе Веры звучало удивление.

– Верочка! Какая же ты стала взрослая. Ты меня, конечно, не помнишь. А вот я тебя сразу узнала. Я Зоя Павловна, была у тебя воспитательницей в детском саду. Ты была еще совсем... Что с тобой, Верочка?

Я не поверил своим ушам и поспешил к двери. На пороге стояла седая, пожилая, грузноватая женщина и растерянно смотрела на Веру, которая сначала застыла, не в состоянии вымолвить ни слова, а потом залилась слезами.

– Вера, Верочка, спокойно. Приди в себя, пожалуйста. Зоя Павловна, я Владимир, муж Веры. Вы извините ее, проходите, пожалуйста...

– Ой, я наверно не вовремя. Испугала ее чем-то?

– Да что вы, Зоя Павловна, все нормально. Я вам сейчас все объясню. Вы сами удивитесь. Проходите, проходите, пожалуйста.

– Я... тут... Со мной...

В это время к двери подошла еще одна женщина, помоложе.

– Мам, ну что?

– Вы, наверное, Лариса? – догадался я.

– Да, правильно. А вы кто?

– Меня зовут Владимир, я Верин муж. Заходите, пожалуйста.

Лариса неуверенно вошла и увидела плачущую Веру.

– Верка, ты что ли? Ты чего ревешь?

– Лари-и-исочка, – прорыдала Вера и кинулась ей на шею. Через минуту они уже обе рыдали.

В это время в коридоре появилась Мария Григорьевна с журналом.

– Лиз... – начала было она. Но вдруг побелела и схватилась за сердце. – Нет, этого не может быть! Невероятно! Невозможно!

– Тихо, тихо, Марья Григорьевна! Пожалуйста, все хорошо, все в порядке. Зоя Павловна, Лариса, не пугайтесь ради бога, заходите, пожалуйста, мы тут на кухне сидели, чай пили. Сейчас еще попьем. Сейчас все будет нормально. Все хорошо.

Я их таким образом уговаривал, хотя сам был потрясен не меньше. Мозг отказывался воспринимать появление Зои Павловны и Ларисы как обычное событие. Это действительно было невероятным совпадением. Или как это еще назвать?

Тут появилась из комнаты Аська, которая не стала будить сестру, потому что ей стало интересно, что там за шум.

– Вы Зоя Павловна? Настоящая? Вы были маминной любимой воспитательницей в детском саду? А вы Лариса? Вот это да! Классно! Дело в том, что мы только что о вас говорили. Десяти минут не прошло. Бабушка вспоминала, как мама была маленькая, как она ходила в сад, и какая замечательная была у мамы Зоя Павловна, то есть вы. А мама рассказала про дальний пляж, про березовую рощу, про букеты, про болото и иван-чай, про костянику и волчьи ягоды, и про соленые сыроежки. И как они с Ларисой играли, и читали, и днем не спали, и как Лариса играла этюды на пианино. И много всего. А бабушка сказала, что вы потом переехали в другой район и стали реже встречаться. И что она не знает, как вы сейчас. И в это время вы звоните в дверь!

Тут уж Зоя Павловна всплакнула. В общем, слезы лились рекой. Потом выяснилось, что у Зои умерла сестра, и похоронили ее на Даниловском кладбище. И Зоя Павловна с Ларисой поехали положить цветы, а Зоя вспомнила, что тут недалеко жила когда-то Марья Григорьевна, и решила наудачу зайти узнать, а то ведь специально не выберешься. И уговорила Ларису проводить ее. Лариса сначала не соглашалась, а потом решила, что надо сходить, раз мать так про-

сит. У самой Ларисы жизнь сложилась не очень удачно – с мужем она рассталась восемь лет назад, дочке ее четырнадцать.

Мы снова поставили чайник, пригодилось мое печенье, я сбегал, купил торт, вина какого-то легкого. Они тоже там что-то принесли. В общем сидели еще часа три. Дальше уже неинтересно, все обычно, обменялись телефонами. Так что конец этой истории хороший, но банальный – люди встретились. Но весь цимес в том, как это произошло!

* * *

– Да, Владимир Борисыч, твоя история тоже хороша!

– Неужели такие вещи в жизни случаются?

– Ну, видишь, очень даже случаются. Я же не придумал это. Хотя сам с трудом поверил.

– Пожалуй, твой случай даже поневероятней матвеевского.

– Вот и я говорю. Если встречу в центре чужого города можно все-таки назвать совпадением, хотя и редким, один шанс на тысячу, то тут – это уже одна тысячная шанса на тысячу. Это и совпадением-то не назовешь! Телепатия!

– Вот так создаются мифы о телепортации!

– Нет, ну конечно, это никакая не телепатия. Вот если бы Зоя Павловна с дочерью сидели дома и вдруг перенеслись в другую точку пространства, и сами бы удивлялись – что это с нами? Где мы? – тогда можно было бы о чем-то таком заикнуться. А в данном случае все очень основательно объясняется, причем вполне прозаично и логично. Невероятно, что так может совпасть во времени, вот это кажется чудом. Но и оно не чудо. Сработала одна тысячная шанса.

– Да, мы же не удивляемся стыковке в космосе, а ведь это, если задуматься...

– Хороший пример! Разница в том, что стыковка является результатом сложнейших и точнейших расчетов конкретных людей. А здесь, интересно, кто рассчитывал траектории?

– А я уже почти не удивляюсь. Я столько раз сталкивался с чем-то невероятным, что происходит в обычной жизни, что могу поверить в любое стечение обстоятельств. Даже когда это разумом невозможно постичь. Хотя большинство чудес, как правило, впоследствии объясняется просто и логично.

– Все равно это каждый раз потрясает!

– Да, в жизни все бывает.

– Знаете, раз уж мы об этом заговорили, я вам расскажу еще об одном случае, который произошел лично со мной, – сказал Бронислав. – И буду, без всякой иронии, очень признателен, если вы меня сумеете убедить, что это – обычное нормальное совпадение, что ничего особенного вы в этом не усматриваете.

– Ну, давай, расскажи.

– Интересно.

Случай, рассказанный Брониславом Ченом

Модель человеческой сути

Мой рассказ будет довольно коротким. Дело было несколько лет назад, в ноябре. Моя сестра уехала на месяц в командировку и отдала мне свою годовалую таксу. Жена ее кормила, а моей обязанностью были прогулки. Вот как-то поздно вечером Жулька стала вдруг проситься на улицу, хотя вроде я уже ее выгулял и думал, что до утра с этим покончено. Но делать нечего. Я оделся и вышел с ней. Жулька меня потянула не туда, где мы обычно гуляли – по нашей улице,

до конца и обратно, а в маленький прямоугольный скверик, между двумя домами. Он по периметру был засажен молодыми липами, вся середина летом была клумбой, а сейчас в ноябре выглядела просто черным земляным пятном. Скамейки были убраны, урны тоже, короче это было идеальное место для выгула маленькой собаки ночью. Я осторожно ступал по мягкому и довольно скользкому дерну с остатками промерзшей травы, а Жуля прытко рвалась вперед. Я решил ее отпустить, и тут, не знаю почему, мне пришла в голову мысль, что если бы кто-нибудь протянул между деревьями проволоку, а кто-то другой вышел бы ночью в темноте, например погулять с собакой, то этот второй мог бы сильно пораниться или даже вообще остаться без ног. И вот, хотите – верьте, хотите – нет, но не успел я это подумать, как почувствовал, что мои ноги, где-то сантиметров на двадцать ниже колена, наткнулись на поперечную преграду в виде чего-то узкого и жесткого. Я наклонился и нащупал проволоку. Несколько минут я стоял наклонившись и не верил сам себе. Было очень темно, разглядеть что-либо было невозможно, но моя ладонь совершенно отчетливо ощущала проволоку, довольно туго натянутую над землей примерно на высоте тридцати сантиметров, как раз на середине голени. Продолжая держаться за проволоку, я дошел до места, откуда она тянулась. Проволока была обмотана вокруг дерева и завязана на узел, вернее, конец ее был пропущен между кольцами, обвившими ствол, и закручен, чтобы не размотаться. Я приложил некоторые усилия, чтобы раскрутить его. Мне это удалось, и я стал наматывать проволоку себе на руку как моток ниток. Я дошел до противоположной стороны сквера, вернее до дерева, росшего на противоположной стороне. Вокруг его ствола проволока была точно так же обвита несколько раз и закреплена. Когда я полностью снял ее со второго дерева, на моей руке образовался довольно большой клубок проволоки. Я освободил руку, позвал собаку, и мы пошли домой. Дома я как следует разглядел то, что я принес. Проволока была ржавая, но еще достаточно крепкая. Я представил себе, как кто-нибудь, например я, мог тяжело поранить себе ноги и при этом заработать столбняк или заражение крови. Я только не мог представить себе, кто же это сделал, но ведь факт, что это было творение рук какого-то человека и его пустых и подлых мозгов. Вот он придумал, осуществил и теперь сидел где-то и предвкушал, как кто-то наткнется на его проволоку! Клубок проволоки чем-то напоминал всем известную модель мирного атома. Но только эта модель была измята, бессистемна, с беспорядочным количеством изломанных орбит. И ядро было давно потеряно, а может быть разбито и выброшено. Я назвал это сооружение моделью человеческой сути. Она долго жила у меня на шкафу, и действовала отрезвляюще, когда меня порой охватывала эйфория. К сожалению, моя дочь однажды задумала убрать у меня в кабинете и выбросила этот памятник людской подлости и символ безнаказанности зла. Я очень ее ругал и переживал по поводу утраты. Но из головы я уже не могу ее выбросить, и когда мне хочется впасть в излишнюю доверчивость, я всегда мысленно вижу тот ржавый клубок. Но до сих пор я так и не знаю, чьих рук это дело? И еще мне не дает покоя мысль о том, почему я в тот момент вдруг подумал о проволоке? Ведь это меня спасло!

– Это спасло не только тебя, но и того человека, который мог там появиться вместо тебя.

– Вот именно! Ведь не факт, что ему пришла бы в голову мысль о проволоке.

– А кстати, почему ты об этом подумал?

– Если бы я знал ответ! Я вас об этом же и спрашиваю.

– Моя жена сказала бы «ангел-хранитель».

– Нет, ангела-хранителя я отмечаю сразу.

– Почему, Вить? Как раз в таких случаях и говорят об ангеле-хранителе.

– Ну, слушай, это несерьезно. Женщина пусть так считает, но это не мужской ответ. И потом, всегда ли ангел оберегает тебя от других бед? Где он был в прошлом году, помнишь, когда у тебя были сплошные неприятности? Черная полоса. Так что, извини, но ангел тут ни при чем.

– Ладно. Допустим. А что тогда? Интуиция?

– А что это такое – интуиция?

– Ну как – что такое. Интуиция – это... да, а правда, что такое интуиция?

– То-то и оно!

– Хорошо, Виктор, а ты сам можешь ответить?

– Если на пальцах, то это неосознанная мотивация поведения, или иначе, выбор, сделанный на основе подсознательного импульса. Вот спроси у человека – почему ты свернул за угол? Он ответит – не знаю, что-то заставило меня. Но если бы он стал раздумывать – поворачивать или нет, и за какой угол, то, скорей всего, вообще не решился бы или свернул за другой угол.

– А как объяснить, что интуитивный выбор часто бывает правильным, а осознанный – нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.